

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

МИХАИЛ
АХМАНОВ

ДАЛЕКИЙ
САЙКАТ

Михаил Ахманов
Далекий Сайкат
Серия «Ивар Тревельян», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139903
Ахманов М. Далекий Сайкат: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15798-0

Аннотация

Сайкат не был райским местечком. Как и большинство других планет, интересующих Фонд развития инопланетных культур. Так что новая командировка Ивара Тревельяна обещала ему незабываемые встречи с гуманоидами, находящимися на стадии развития неандертальцев, и прочие прелести дикого мира. Но вопреки ожиданиям наибольшие сюрпризы преподнесли не первобытные братья по разуму, а коллеги по работе. Ими были кни'лина – человекоподобные, но весьма неприятные соседи по Галактике, отличающиеся полным отсутствием чувства юмора и болезненно хорошей памятью. И на борту космической станции, кружащей над голубой поверхностью Сайката, закрутилась интрига, достойная пера Агаты Кристи...

Содержание

Штат экспедиции на сайкатской исследовательской станции (СИС)	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Интермедия 1	37
Глава 4	40
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Ахманов

Далекий Сайкат

Сайкат – вторая планета звездной системы NG-5117/77562 (светило названия не имеет).

Общее описание: землеподобный мир, не нуждается в терраформировании. Обнаружен практически одновременно экспедициями Кни'лина и Звездного Флота Земли. Имеет три материка, получивших названия: Северный (протяженность в широтном направлении 17 300 км, в меридиональном – 8120 км); Юго-Западный и Юго-Восточный (соответственно 27 % и 31 % от площади Северного материка). Суша, с учетом островов, занимает 42 % планетарной поверхности, остальное – Мировой океан и внутренние моря. Богатая флора и фауна (в настоящее время изучается). Растительный покров представлен степями и лесами горной, умеренной, субтропической и тропической зон.

Планета населена двумя расами гуманоидов, чей уровень развития соответствует каменному веку Земли (в настоящее время обе расы изучаются комплексной экспедицией землян и Кни'лина).

Период обращения планеты вокруг оси: 25,2 стандартного часа.

Период обращения планеты вокруг светила: 327 суток.

Естественные спутники: отсутствуют.

Тяготение: 0,99 земного.

Состав атмосферы: см. раздел «Атмосферы землеподобных планет».

Координаты: см. раздел «Галактические координаты землеподобных планет».

Большой Звездный Атлас, издание седьмое, Земля – Марс.

Штат экспедиции на сайкатской исследовательской станции (СИС)

1. Ученые (достойные ньюри)

Джеб Ро – координатор экспедиции, аристократ из клана *похарас*, палеонтолог с планеты Йездан, метрополии кни'лина.

Зенд Уна – лингвист, клан *похарас*. Уроженец колонии Тизана.

Ифта Кии – второй генетик, аристократка *похарас* с планеты Йездан.

Найя Акра – психолог, жрица Йездана, клан *похарас*. Уроженка колонии Кхайра.

Первый Лезвие – субкоординатор, заметитель Джеба Ро, антрополог, клан *ни*. Уроженец планеты Йездан.

Второй Курс – биолог, клан *ни*. Уроженец колонии Тоу.

Третья Глубина – первый генетик, клан *ни*. Согласно официальным данным, уроженка колонии Тизана.

Четвертый Пилот – картограф и пилот транспортных капсул, клан *ни*. Уроженец планеты Йездан.

Пятый Вечерний – ботаник, клан *ни*. Уроженец колонии Кхайра.

Иутин – третий генетик, *зинто*. Согласно официальным данным, уроженец колонии Кхайра. Обладает необычной для кни'лина внешностью.

Ивар Тревельян – социоксенолог с Земли, представитель Фонда Развития Инопланетных Культур (ФРИК). Имеет ментального напарника, своего отдаленного предка Олафа Питера Карлоса Тревельяна-Красногорцева, некогда командора Звездного Флота.

2. Вспомогательный персонал (слуги клана *ни*)

Шиар, Эвект, Зотахи – техники системы жизнеобеспечения.

Инданга, Могар – техники автономных кибернетических устройств.

Аткайя – техник космических транспортных средств.

Гиббех – техник наружных шлюзов и стыковочных портов.

Пайол – техник бытовых устройств.

Ори, Тикат – слуги.

Мирный баланс, достигнутый после войны между Земной Федерацией и кни'лина, не должен внушать надежд на глубокие и плодотворные контакты между двумя гуманоидными расами. В своей массе кни'лина были – и остаются – недружественным народом, чье отвращение к людям Земли базируется на различиях в традициях, включающих такие обиходные вещи, как питание, манера одеваться, поведение в обществе и так далее. Следует подчеркнуть, что близость, даже почти идентичность физиологии и внешнего облика, является фактором, который лишь усиливает неприязнь кни'лина к людям – точно так же, как нам отвратительны ужимки обезьян и людоедские обычаи низших гоминидов. Для кни'лина мы по-прежнему волосатые пожиратели падали, взявшие над ними верх из-за своей звериной жестокости, коварства и помощи предателей. Признаки потепления существуют только на дипломатическом уровне и выражаются в ряде совместных экспедиций и проектов, самым амбициозным из которых является исследование Сайката.

Генрик Хилари,

эксперт Исследовательского корпуса Звездного Флота.

Меморандум 25/1888А. Строго секретно.

Глава 1

Прибытие

Когда крейсер «Адмирал Вентури» лег на орбиту у Сайката, по корабельному времени была глухая ночь. Для Ивара Тревельяна это значило, что его проводят без помпы, без троекратного салюта, оркестра, рукопожатий и поцелуев. Капитан Карсак являлся слишком важной шишкой, чтобы нарушить свой отдых из-за какого-то сотрудника Фонда, которого он, в знак особой милости, согласился подбросить к пункту назначения. Первому помощнику Гончарову полагалось заступить на вахту утром, и потому его сон тоже считался священным – старший по вахте офицер должен быть свеж и бодр. На Клауса Дембски, второго помощника, рассчитывать совсем не приходилось, поскольку он был очень зол на Тревельяна – тот отбил у Дембски оператора связи Крису Ольсен, белокурую валькирию с Роона. Вообще-то Тревельян предпочитал брюнеток, а лучше – кареглазых шатенок, но тут вмешался спортивный интерес: кто быстрее прыгнет в постель связистки. Тревельян оказался резвее, и Дембски оставалось лишь скрипеть зубами.

Кроме старших офицеров, на «Вентури» имелась масса других людей, весьма достойных и в высоком ранге, которые могли бы проводить Тревельяна: скажем, Нурс, первый навигатор, или Иванов, главный инженер, или хотя бы Ошо Бирмани, начальник секции вооружений. Но у Нурса он отобрал титул чемпиона крейсера по теннису, с Ивановым крепко поспорил за карточным столом (тот пытался отыскать в рукаве у Ивара пятого туза), а с Ошо они не сошлись во мнениях по поводу ба – Ошо казалось, что это древнекитайская пика, тогда как Тревельян в точности знал, что ба – боевые грабли длиной два метра и с девятью зубцами. Все это было так, но, с другой стороны, экипаж «Вентури» состоял из восьмисот двадцати офицеров и нижних чинов, и за полтора месяца полета он не успел насолить всем и каждому. И потому провожающие все же нашлись: третий помощник лейтенант-коммандер Шек, стоявший ночную вахту, три дюжих десантника, приставленных к багажу Тревельяна, и безутешная Криста Ольсен. Но в шлюзовую камеру Шек Кристу не пустил, сделав каменную физиономию и буркнув: «Не положено!» Пришлось расцеловаться со связисткой на пороге, под неодобрительным взглядом лейтенанта-коммандера.

Затем диафрагма люка развернулась, отрезав Кристу, ее голубые глаза и льняные кудряшки, и Шек сменил гнев на милость: вызвал гравиплатформу для багажа и включил обзорные экраны. На одном сейчас виднелся голубой сфероид Сайката и его безымянное солнце, имевшее лишь номер по каталогу, а другой был пуст, если не считать пары тысяч звезд и туманности Слоновый Бивень. Шек любовался планетой, десантники равнодушно смотрели в пол, а Тревельян глядел на газовое облако Бивня, вспоминая, что где-то за ним, на расстоянии сорока шести парсек, плывет в космической тьме Осиер, место его предыдущей экспедиции. Ос-и-ер, Камень-В-Перстне, как называли свой мир местные жители, и были среди них существа, подобные людям или не похожие на них, но равно не безразличные Тревельяну. К примеру, старый мечтатель Кадмиамун, первый аэронавт Осиера, благородный нобиль Ниган-Таш, вождь разбойников Лакасса, мудрец Аххи-Сек и братья-рапсоды, лихие бойцы... Еще вспоминались женщины, чья благосклонность скрасила его командировку: прелестная Чарейт-Дор, гибкая танцовщица Арьена из Тилима, милая служаночка Китти-Катахна, даже принцесса Лиана-Шихи, девица хоть и с норовом, однако красоты необычайной. Кроме того, на Осиере пребывал коллега Хьюго Тасман, и похоже, на Землю он не собирался возвращаться.

– Красивая планета этот Сайкат, – прервал молчание Шек. – Когда, говорите, ее обнаружили?

Хоть Тревельян не сказал ничего, но у Шека была своя манера вести беседу. Обижать его не стоило – все же он явился лично, а мог бы прислать подвахтенного.

– Шесть лет назад. – Выбросив из головы воспоминания об Осиере, Ивар повернулся к третьему помощнику. – Совместная экспедиция его открыла, наша и кни'лина. Сначала никак не могли поделить, а потом нашлись аборигены, и вопрос колонизации отпал.

– Какой индекс ТР¹ у этих туземцев?

– Пожалуй, никакого. Одни на уровне наших кроманьонцев, а другие так вовсе троглодиты. Даже с огнем незнакомы.

На физиономии Шека промелькнуло нечто похожее на интерес.

– Две расы, говорите? В одном мире? И какое решение? Обе прогрессировать?

Тревельян вздохнул.

– Перед тем как прогрессировать, надо понять, способны ли они к прогрессу и желают ли к нему приобщиться.

– Можно было бы у них спросить, – заметил Шек.

– Это затруднительно, лейтенант-коммандер. Им до порога Киннисона² еще двадцать-тридцать тысяч лет. Они еще не имеют понятия о прогрессе.

Вряд ли Шеку было известно, что такое порог Киннисона, но он строго глянул на десантников, сделал глубокомысленное лицо и с важностью кивнул.

После Осиера Тревельяну полагался отпуск, но у ФРИК было не так уж много полевых агентов его уровня, а миссию на Сайкате консулы Фонда считали наиважнейшей. По этой причине отпуск пришлось отложить, и теплое море Гондваны, курортного мира, его тропические острова, отели и золотые пляжи Ивар видел лишь во сне. Конечно, в те минуты, когда белокурая Криста давала ему поспать, а это случалось не часто: она была девушкой темпераментной.

«Вентури», двигаясь по круговой орбите с малой скоростью, пересек линию терминатора. Теперь на планете, лежавшей под кораблем, царил непроглядный мрак: ни огонька, ни проблеска света, ни единой самой крохотной искорки. Троглодиты *терре* вообще обходились без огня, а *тазинто*, более продвинутые автохтоны, сидели сейчас в своих становищах и жарили мясо, но пламя их кострищ было слишком ничтожным, чтобы заметить его с космических высот. До времен, когда планета озарится электрическим сиянием, пройдут десятки тысячелетий, и тех огней не увидит никто из ныне живущих, подумал Тревельян. Когда-нибудь появятся здесь сады и пашни, дороги и мосты и, непременно, поселения, но кто в них будет обитать? Чьи потомки – *терре* или *тазинто*? Или те и другие вместе? Непраздничный вопрос! Собственно, его и послали для подготовки решения. А если быть совсем уж точным, для того, чтобы миссия кни'лина не решила этот казус за себя и за землян.

– Приближаемся к станции, – сказал Шек, и на втором экране, где были только звезды и туманность, возникло нечто темное и округлое. Десантники оживились; должно быть, эти молодые парни никогда не видели кни'лина. Тревельян же с ними встречался не раз и большого счастья от этих контактов не испытывал. Кни'лина были гуманоидами и почти не отличались от людей – несомненный плюс в их пользу, но, к сожалению, единственный. Минусов насчитывалось больше: заносчивы, высокомерны и горды, привержены странным обычаям,

¹ Индекс ТР – индекс технологического развития. Фонд Развития Инопланетных Культур (ФРИК) оценивает гуманоидные цивилизации по трем основным параметрам: индексам технологического развития, социального развития (индекс СР) и движущему пассионарному импульсу (ДПИ). ДПИ отсчитывается в стобалльной шкале, где за 100 принят пассионарный импульс монгольских племен в эпоху Чингисхана.

² Решая вопрос ускоренного развития тех или иных инопланетных сообществ, ФРИК исходит из теории, разработанной Киннисоном, одним из его виднейших деятелей. Киннисон показал, что допустимо оказывать влияние только на примитивные культуры, не вышедшие за стадию античности или средневековья. Попытка прогрессировать цивилизации, находящиеся на раннем технологическом этапе и более развитые, ведет к фатальным последствиям – обычно к общепланетной войне.

не очень приятны в общении и, наконец, воинственны. Последний грех был самым тяжким, так что кни'лина пришлось убеждаться не раз, что не у них одних есть звездный флот, аннигиляторы и боевые роботы. Три столетия назад случилась большая война, кни'лина с треском ее проиграла и запросила мира. С той поры наметилось сотрудничество между расами – та и другая сторона желали доказать свою цивилизованность и миролюбие.

Станция, искусственный и единственный спутник Сайката, росла на экране, превращаясь в огромный диск. «Адмирал Вентури» мог улечься на его поверхности хоть вдоль, хоть поперек.

– Джелаль! – рявкнул Шек, повернувшись к вокодеру.

– Слушаю, лейтенант-коммандер, – раздалось в ответ.

– Я у четвертого шлюза. Справишься со стыковкой?

– Так точно, лейтенант-коммандер.

– Действуй. – Шек покосился на Тревельяна. – Хочется на живых плешаков взглянуть.

Говорите, совсем как люди?

«Плешаки» – такой была презрительная кличка кни'лина. Не оставаясь в долгу, они называли людей «волосатыми», а еще – «пожирателями падали», так как сами мяса не ели.

– Я этого не утверждал, – произнес Тревельян. – В чем-то они на нас похожи, а в чем-то есть отличия.

– Ну, например?

– Они не имеют волосяного покрова. Вообще нет волос на теле и лице, кроме бровей и ресниц.

– Это всем известно, – с разочарованным видом сказал третий помощник. Потом оглянулся на десантников и произнес, понизив голос: – Я слышал, их женщины очень красивы и хороши в постели... такие штуки выделывают в невесомости...

– Некоторые прямо красавицы, – заметил Тревельян, наблюдая, как огромный диско-видный корпус станции медленно подплывает к крейсеру. На глаз его толщина у края достигала метров тридцати, и эта чуть выпуклая стена охватывала диск кольцом. В свете прожекторов «Адмирала Вентури» поблескивали акрадейтовые иллюминаторы, круглые люки портов, гравитационные движки, антенны дальней и планетарной связи, огромная чаша биоизлучателя и еще какие-то устройства, которые он не мог распознать.

– Основательная конструкция, – сказал Шек, обозревая паривший над планетой спутник. – Кто его строил?

– Кни'лина, но Фонд, который я представляю, возместил половину расходов. Так что СИС находится в совместном владении.

– СИС?

– Да. Сайкатская Исследовательская Станция.

– И много там сейчас народа?

– Человек двадцать или тридцать, я полагаю – члены экспедиции и слуги кланов. Слуги – обычно технический персонал.

Шек в удивлении присвистнул:

– Говорите, два-три десятка плешаков? И для них соорудили такую громадину? Нашей команде там бы тесно не показалось!

– Строили кни'лина, клан *ни* и клан *похарас*, а у них свои понятия о просторе и тесноте, – пояснил Тревельян. – Но все сделано по-честному: есть их сектор, и есть наш, точно такой же по площади. – Он сделал паузу, потом, взглянув на приближавшийся шлюз станции, промолвил: – Послушайте, лейтенант-коммандер, отчего бы не пустить в шлюзовую

энсина.³ Ольсен? Я бы хотел еще раз с ней попрощаться. Будьте снисходительны! Ведь в течение месяца или двух я не увижу ни единого женского личика!

Десантники заржали. Шек цыкнул на них и сказал со строгим видом:

– Не положено. А что до лиц женского пола, так, может, на станции кто-нибудь для вас найдется. Кни'лина ведь совместимы с людьми... ну, в сексуальном смысле... Правда это или нет?

– Сущая правда, – со вздохом подтвердил Тревельян. – Совместимы, как и другие гуманоиды, фаата, осьерцы и терукси. Я бы мог вам рассказать...

– Не надо! – рявкнул Шек, взглянув на десантников, наостривших уши. И, смягчившись, добавил: – Желаю вам плодотворной работы и успеха на всех фронтах. Пара месяцев, говорите? Ну, это срок небольшой! Если вернетесь на «Вентури», послушаю ваши истории с удовольствием. Как-нибудь после вахты, в моей каюте.

– Я зван на чашку кофе?

– На рюмку чая, – уточнил лейтенант-коммандер.

Палуба под их ногами чуть дрогнула – крейсер уравнивал скорость со станцией. Затем ее боковая стена ушла вверх, вниз, в стороны и застыла, словно серый монолитный утес, скрепленный с кораблем невидимыми узами. Послышался негромкий гул, и трубчатый кожух переходного модуля стал плавно выдвигаться из борта «Вентури». Его оконечность, похожая на голову безглазой змеи, легла на станционный шлюз, присосалась к квадратному люку, и диафрагма перед Тревельяном начала неторопливо раскрываться. Резкий хлопок воздуха просигналил, что давление в шлюзовой и приемном отсеке сателлита выровнялось. Теперь крейсер и станция кружились около Сайката как единое целое, в бесконечном падении на планетарный сфероид, как бы стремясь к нижнему миру и постоянно промахиваясь по гигантской голубой мишени.

– Молодец Джамаль, – буркнул Шек. – Отличная стыковка, клянусь Владыкой Пустоты!

Трое десантников принялись грузить багаж Тревельяна на платформу. У него было три больших контейнера, один из них довольно тяжелый, и сумка с одеждой и всякими мелочами. Диафрагма шлюза раздвинулась на всю трехметровую ширину, в трубчатой конструкции вспыхнул свет, и дальний конец перехода тоже озарился привычным для глаза желтоватым сиянием. Но тени там не мелькали и никакие фигуры не маячили – похоже, встречающих Тревельяна было еще меньше, чем провожавших.

– Вперед, парни, – велел третий помощник, кивая десанникам.

– Погодите, Шек. Когда имеешь дело с кни'лина, нельзя забывать о двух вещах: о собственном достоинстве и протоколе. Не будем торопиться с багажом. Прошу вас, следуйте за мной и держитесь сзади в четырех-пяти шагах.

Шек не возразил ни слова – должно быть, любопытство взяло вверх над командирскими замашками и привычкой распоряжаться. Друг за другом, сохраняя дистанцию, они зашагали по переходу: Тревельян впереди, третий помощник за ним. Шек двигался, как на парадном смотре: печатая шаг, развернув плечи и выпятив грудь, обтянутую синим с серебром мундиром. К его бедру был пристегнут бластер, на левом запястье сверкал браслет коммутатора, на правом – еще одно переговорное устройство, для прямой связи с капитаном и включения сигналов тревоги. Выглядел лейтенант-коммандер очень внушительно.

Миновав переход, они очутились в просторном помещении с внешней стеной, шедшей полукругом, и высокими сводами. Посреди потолка расплескалось золотистое пятно, имитация солнца; сверху свисали плоские рыльца гравиподъемников и захваты транспортных механизмов, напоминавшие то клешни, то многосуставчатые пальцы; в дальней стене

³ Эсин – младшее офицерское звание.

виднелась темная мембрана лифта, очень похожего на обычный земной, а слева и справа торчали на низких эстакадах УТК – универсальные транспортные капсулы, или «утки», на жаргоне астронавтов. Капсулы тоже почти не отличались от земных аналогов.

В центре отсека, под ярким голографическим солнцем, их поджидали двое кни'лина. Оба рослые, крепкие, в белых обтягивающих комбинезонах, и оба как на одно лицо: серые глаза, узкие губы, классической формы нос и основательный подбородок. Тревельян, имевший дело с чужими расами, по временам сталкивался с этой иллюзией похожести; в данном случае ее усиливали бледная кожа и безволосые черепа, чуть более вытянутые, чем у людей Земли.

Отступив от перехода, чтобы Шек мог войти, сохраняя расстояние, он устремил взгляд поверх голов кни'лина и замер. Так прошло минуты две. Третий помощник, подражая Тревельяну, тоже стоял неподвижно, но его терпение явно заканчивалось. Наконец Шек буркнул:

– Говорите, у нас проблемы? Какие?

– Это слуги клана *ни*, всего лишь техники-служители, – пояснил Тревельян и, заметив, что лейтенант-коммандер поднял ногу, прошипел: – Не приближайтесь ко мне, Шек! Стойте, где стоите!

– Дьявол! Это еще почему?

– Не двигайтесь, я сказал! – Один из кни'лина шевельнулся, и Тревельян, все еще глядя в потолок, произнес на диалекте *ни*: – Не вижу встречающих. Где достойные меня? Где люди власти, представляющие лидеров *ни* или императора *похарас*? Где парадные одежды и учтивые речи?

Краешком глаза он заметил, как Шек сует в ухо крохотный транслятор. Его антенна торчала над аккуратной прической третьего помощника, будто серебряный цветочный бутон.

Кни'лина одновременно сделали жест почтения. Стоявший слева заговорил, стараясь не смотреть на Тревельяна:

– Достойные люди отдыхают. Все утомлены работой. Ньюри приносят глубокие извинения.

В обоих диалектах языка кни'лина личное местоимение «вы» использовалось только во множественном числе, а формой беседы низшего с высшим было обращение в третьем лице, с подобающими случаю телодвижениями. Слуги клана придерживались этих правил со всей строгостью.

– Ты и ты, – Тревельян ткнул в каждого пальцем. – Ваши имена и род занятий?

– Зотахи, техник систем жизнеобеспечения, – произнес первый.

– Могар, техник киберустройств, – эхом откликнулся второй.

Воздев руки в жесте изумления, Тревельян повернулся к Шеку.

– Техник-ассенизатор и слуга, имеющий дело с киберами! Йездан Сероокий! И эту пару недоумков послали встретить нас! Меня, имеющего высший ранг, и первого помощника капитана!

Он говорил по-прежнему на диалекте *ни*, зная, что приборчик, торчавший в ухе Шека, переводит сказанное. Услышав последнюю фразу, тот дернулся, нахмурил брови и промолвил – к счастью, не включив транслятор на обратный перевод:

– Что случилось? Захотели права покачать и хвост распустить? Ну, ваше право! Только я не первый помощник, а...

Тревельян дал ему высказаться. Это было безопасно – слуги клана наверняка не понимали земную лингву. Повернувшись к Шеку, он пояснил:

– Меня должен встречать шеф научной группы или его заместитель. В крайнем случае, член экспедиционного отряда, а не пара техников-слуг! Это оскорбление, лейтенант-коммандер, поэтому сделайте суровое лицо и рывкните погромче. Что же до местного этикета,

то в нем я разбираюсь лучше вас. – Шек рявкнул, а Тревельян, грозно уставившись на Зотахи и Могара, вновь перешел на наречие *ни*: – Первый помощник возмущен таким неуважением. Он хочет, чтобы я вернулся на корабль, доложил капитану и потребовал распылить станцию. Я напомнил ему, что Фонд владеет половиной сателлита, и его уничтожение для нас убыток. И знаете, что он мне ответил? – Выдержав паузу, Тревельян небрежно усмехнулся: – Он сказал: честь дороже!

Оба кни'лина побледнели еще больше и заговорили в унисон:

– Достойный ньюри ошибается...

– Никакого неуважения...

– Зотахи здесь, чтобы обеспечить безопасность достойного...

– Могар должен позаботиться о его багаже и проводить в отсек на земной половине...

– Зотахи и Могар полны почтения...

– Мы не виноваты, что наши достойные отдыхают...

– Они очень много трудятся...

– Они спускаются к дикарям каждые пять дней, а дикари так опасны!..

– Огромное напряжение...

– Если достойный желает, мы вызовем еще слуг...

Тревельян хлопнул в ладоши, что было знаком гнева.

– Никаких слуг, парни! Равного мне сюда! И быстро, пока у нас с первым помощником не иссякло терпение!

Могар что-то забормотал, склонившись к вороту комбинезона, – там, очевидно, находился микрофон. Зотахи в это время делал жесты почтения, приседая на широко расставленных ногах и вытягивая вперед руки, словно ему хотелось обнять скандального землянина как долгожданного и любимого брата. Впрочем, спектакль, разыгранный Тревельяном, к скандалу отношения не имел. В обществе кни'лина существовали жесткие понятия о рангах, о том, кто выше, а кто ниже, кто командует, кто подчиняется, кого стоит слушать, а чье мнение можно пропустить мимо ушей. Всякий новый человек, попавший в замкнутую группу, стремился показать, что его статус высок, что он относится к достойным, а не к служителям или – упаси Йездан! – простым работникам. Обычно это не создавало проблемы, так как о заслугах и ранге новичка в группе что-то знали или могли узнать, если речь шла о кни'лина. Землянин же был загадкой, и Тревельян, скорее всего, подвергался проверке.

Раскрылась диафрагма лифта, и в шлюзовую камеру вошел человек в камзоле с широким воротником и богатой вышивкой, серых обтягивающих лосинах, высоких башмаках и с золотым украшением в виде перьев, что покачивались на левом плече в такт шагам. Он был коренастым, невысоким и широкоскулым – редкость для кни'лина, а глаза у него оказались совсем необычными, темно-карими, в густых ресницах. Но, несомненно, он являлся вполне достойной личностью, о чем говорили парадный наряд и властное движение руки, которым он, не прикасаясь к слугам, будто отодвинул их в сторону.

– Да будет с тобой утренняя радость, ньюри. – Вымолвив это приветствие из Книги Начала и Конца, он присел, сгибая ноги в коленях. – Иутин, третий генетик. Я изучаю мутации *терре* и *тазинто*.

Третий генетик! Не первый, не второй! – мелькнуло у Ивара в голове. Он было решил, что честь невелика и стоит потребовать персону поважнее, но тут лицо Иутина осветилось такой приветливой и жизнерадостной улыбкой, что все сомнения отпали. Тревельян тоже присел, вытянул руки и представился:

– Ивар Тревельян, ксенолог и разведчик-наблюдатель. Со мной Джереми Шек, первый помощник капитана крейсера «Адмирал Вентури». Пусть утренняя радость сопутствует тебе, ньюри Иутин!

То было малое представление, ибо, несмотря на пробудившуюся приязнь, большего третий генетик не заслуживал. К тому же в собственной его рекомендации ощущалось нечто неправильное, нечто такое, чего Ивар, не успевший вникнуть в жизнь Станции, пока не уловил. Подумав про себя, что обязательно с этим разберется, он помахал рукой Шеку.

– Можно переносить багаж, лейтенант-коммандер.

Гравиплатформа, сопровождаемая десантниками, проплыла через переходный модуль. Зотахи и Могар, подцепив контейнеры грузовыми клешнями, ловко перетаскивали их на свою платформу, убедились, что багаж не свалится, двинулись к лифтовой шахте и исчезли в ее широком проеме. Иутин снова присел, колыхнув золотыми перьями.

– Имущество будет доставлено в твой отсек на земной половине. Если ты изволишь попрощаться со своими достойными спутниками, я провожу тебя туда.

Пожимать руки или, тем более, хлопать по спине на глазах кни'лина было бы крайне невежливо, поэтому Тревельян только кивнул десантникам и отвесил более низкий поклон третьему помощнику.

– До встречи, парни. Буду рад снова увидиться с вами, Шек. Передайте мою благодарность капитану, а Дембски скажите, чтобы не злился на меня. Как говорили латиняне, *varium et mutabile semper femina*.⁴

Он бросил последний взгляд на соплеменников, повернулся и вслед за Иутином зашагал к лифту. Вход был почти таким же, как у стандартного земного подъемника, но шахта выглядела огромной, круглого сечения и метров двенадцати в поперечнике. Впрочем, это не означало, что лифт грузовой. Все помещения Сайкатской Исследовательской Станции, все ее отсеки, залы, переходы, рабочие лаборатории, хранилища и, разумеется, лифтовые шахты казались слишком просторными, раз в десять больше, чем любой земной аналог, будь то спальня, кабинет или обычный коридор. Кни'лина не любили приближаться друг к другу; как правило, соблюдалась дистанция в четыре-пять шагов, и нарушать ее считалось не просто невежливым, а даже оскорбительным. Разумеется, эта традиция действовала среди высшей касты и не относилась к слугам; в своем общении работники и служители больше походили на землян.

Иутин оттолкнулся от порога и поплыл к дальней стене шахты, Ивар остался у входа. Их разделяло изрядное пространство, не мешавшее обмениваться вежливыми жестами и улыбками. Тревельян впервые встретил такого улыбчивого кни'лина – плешаки отнюдь не отличались ни душевной теплотой, ни внешним ее выражением. С другой стороны, нет правил без исключения, подумалось ему. Возможно, он встретил друга, который скрасит долгие месяцы командировки на Сайкат.

Теплый ветер повлек их наверх. Под ногами зияла темная пропасть шахты. Световой кокон перемещался вместе с ними – светила округлая стена, озаряя фигуры и лица людей ровным солнечным сиянием. Транспортный воздушный поток шевелил темные пряди Тревельяна, играл перьями на плече его спутника, развеивал широкий воротник. Встречаясь с кни'лина, Ивар быстро привыкал к их внешности, особенно к отсутствию волос. Конечно, они не были плешаками и вовсе не казались лысыми; то и другое – понятия земные и, к тому же, канувшие в тысячелетнюю древность. Кни'лина выглядели вполне естественно без шевелюр и причесок, их черепа имели благородную форму, а кожа, бледная или чуть смугловатая, никак не напоминала плешь. Брови у них были тоньше и изящнее, чем у землян, ресницы – немного реже и длиннее. Они являлись такой же красивой расой, как бино фаата, другие близкие к людям гуманоиды, в далеком прошлом – смертельные враги Земли. Впрочем, кни'лина тоже не являлись воплощением миролюбия.

⁴ *Varium et mutabile semper femina* – женщина всегда изменчива и непостоянна (лат.).

– Земная секция жилого яруса, ньюри Ивар, – произнес Иутин одновременно с исчезновением воздушного потока. Пленка мембраны растаяла, и Тревелиян вышел в слишком широкий и плавно изгибающийся коридор, который, вероятно, тянулся по периметру станции. Стены здесь были из акрадейта, биопластика, поглощавшего в процессе жизнедеятельности пыль. Их приятный светло-кофейный оттенок гармонировал с золотистым солнечным пятном на потолке, пол, более темный, чем стены, чуть пружинил под ногами. Тишина тут стояла такая, что звенело в ушах, и после многолюдства «Адмирала Вентури», после шума офицерской кают-компаний, после крохотной обители Кристи и ее теплого тела Ивар ощутил внезапную тоску. Ему предстояло прожить тут месяц-два, а может, больше, пока не явится земная экспедиция координатора Щербакова, и тогда земную половину сателлита наполнят привычные звуки, смех, голоса и шелест шагов. Это случится непременно, но сейчас, если не считать призрачного Советника в наголовном обруче, он был одинок, словно квант, летящий к другой галактике. Конечно, рядом с ним находились десятка два других квантов, но вряд ли они совпадали друг с другом по фазе.

Иутин, шагавший справа на подобающей дистанции, свернул из коридора в круглый холл с куполообразным, имитирующим небо потолком. Вдоль стен тут были высажены деревья с серебристой листвой и покрытый алыми бутонами кустарник, среди растений стояли скамейки из пластика нежных расцветок, а в середине журчал, боролся с мертвой тишиной фонтан. В нишах, затененных зеленью, виднелись двери, тоже окрашенные в разные цвета, от багряного до нежно-фиолетового и белого. Но черный и синий среди них не попадались, и Тревелиян припомнил, что у кни'лина основные цвета ассоциируются с временем суток и небесными явлениями. Черный назывался ночным цветом, белый – дневным, красный – утренним, то есть торжественным и радостным, желтый и зеленый – первым и вторым лунными, а синий – вечерним, траурным и печальным. Вероятно, строители станции знали, что в земных пределах черный цвет обозначает траур, поэтому он тоже был исключен.

– Все растения – с северного сайкатского материка, – промолвил Иутин, делая широкий жест. – Красиво, не правда ли? Ты доволен?

– Я счастлив, словно в моей душе порхает медоносный мотылек, – сказал Тревелиян, перефразируя строфы из Книги Начала и Конца. Книга была основой йездан'таби, религии клана *похарас*. Впрочем, *ни* тоже относились к ней с большим пиететом.

– Ты читал Йездана Сероокого? – с удивлением поинтересовался третий генетик.

– Разумеется, ньюри Иутин. Я же специалист по гуманоидным культурам, занимаюсь социальной ксенологией.

– На каких мирах ты побывал?

– На многих. Осиер, Гелири, Пекло, Хаймор, Пта, Горькая Ягода... Не знаю, как они называются у вас. Еще посетил Харшабаим-Утарту.

– Йездан великий! Ты был у хапторов? Ты должен рассказать мне об этом!

– Непременно, – пообещал Тревелиян. – Мы сядем здесь, у фонтана, откроем бутылочку вина и...

Иутин вздрогнул.

– Прости, ньюри, но мы не пьем ваши напитки.

– О, конечно! Ты меня прости – я так забывчив!

Держась на расстоянии пары метров друг от друга, они подошли к багряным дверям. Иутин коснулся створки, и она засветилась. Свечение было слабым – знак, что в комнатах никого нет.

– Твои личные апартаменты, – произнес третий генетик. – Ты можешь распаковать багаж или отдохнуть. Времени хватит на то и на другое – мы спим дольше вас, людей.

– Я найду, чем заняться, – прощаясь, Ивар согнул колени. – Благодарю, ньюри Иутин. Встретив меня, ты оказал мне честь.

– Не слишком большую, ньюри Ивар. Я ведь *зинто*.

С этими загадочными словами кни'лина удалился, оставив Ивара чесать в затылке. Он не знал, кто такие зинто, хотя готовился к этой экспедиции весьма основательно. Как ему помнилось, сведения о зинто в земных анналах отсутствовали.

Наконец, решив еще раз покопаться в записях, Тревельян приложил ладонь к двери и, когда она отъехала в сторону, перешагнул порог. Первый зал его отсека был овальным, просторным и обставленным изящной мебелью из золотистого дерева: пяток треугольных столов и при них – широкие кресла или небольшие диваны, обтянутые кожей. В центре торчали на хромированных ножках голопроекторы, рядом был сложен багаж, пищевой раздаточный автомат и стенные шкафы в количестве дюжины были затянуты прозрачной пленкой, и за тремя арками виднелись другие помещения: ванная с круглым бассейном, спальня и кабинет.

– Ну и хоромы! – пробормотал Тревельян, озираясь. – Что я тут буду делать? В теннис играть? Так ведь не с кем!

Он обошел все комнаты – большие, в форме круга или эллипса, поскольку в помещениях кни'лина углов не имелось. Постоял у кровати, тоже круглой и такой величины, что в ней мог улечься орангутан, да не один, а с гаремом подруг. Сбросил комбинезон и башмаки, прошлепал к сумке с одеждой, вытащил плоский маленький контейнер, хранившийся между парадных кафтанов и, шепнув заветное слово, сдвинул крышку. Там лежала одна из его наград, полученных за Осиер, – Обруч Славы из платины с крупными изумрудами, и за центральным камнем, игравшим роль объектива, таился крохотный чип призрачного Советника и секретаря.

В этом молекулярном устройстве хранились память и разум Олафа Питера Карлоса Тревельяна-Красногорцева, командора Звездного Флота и предка Ивара в девятнадцатом или двадцатом колене. Дед, как называл его Тревельян, воевал с половиной рас, известных человечеству его эпохи, и погиб героем в возрасте за девяносто, командуя крейсером «Паллада» в битве с дроми. В том сражении, произошедшем пять веков назад, три земных крейсера разгромили вражескую флотилию из семнадцати дредноутов и сотни малых кораблей, так что вблизи Бетельгейзе, где случилась та битва, до сих пор плавали обломки и клубился разжеженный газ. Флагману «Паллада», идущему во главе крейсерского построения, досталось больше остальных – дроми пробили защитное поле, и плазменный язык, слизнув оружейную башню, добрался до рубки. Первый пилот и старший навигатор сгорели живьем, а командор лишился ног, печени, почек, левой руки и уха, но, поддерживаемый медицинским имплантом, продолжал руководить сражением, пока дроми, зеленокожих жаб, не размазали по всей космической окрестности. После этого он позволил себе истечь кровью, однако его разум, гигантский опыт и боевые таланты были сохранены в молекулярном кристалле. Тревельян, как любой из наблюдателей Фонда, имел право взять с собой Советника и обычно имплантировал его в висок. Но кни'лина относились к имплантам с большим подозрением, так что на этот раз деду пришлось устроиться в обруче.

Он надел украшение на голову, поправил, чтобы сидело плотнее, и включил телепатическим импульсом. Общение с командором осуществлялось исключительно ментально – пожалуй, к лучшему, так как дед был крутоват и в выражениях не стеснялся.

Но сейчас Советник оказался в благодушном настроении.

«Где мы? – полюбопытствовал он, озирая зал сквозь изумрудный объектив. – Уже на станции?»

– На ней. Неплохие у нас чертоги... Как полагаешь?

«Да, кубрик не тесный, – заметил дед. – Научили мы плешаков уважать землян! А ведь как щеки надували, придурки лысые! Помню, когда я служил на „Свирепом“, и мы схватились с их лоханкой у Тизаны... – Он забормотал что-то неразборчивое, потом вдруг рявкнул: – Крейсер! Корабль Флота, на котором мы летели! Что с ним?»

– Ничего, – сказал Тревельян. – Он, вероятно, уже отстыковался.

«Желаю посмотреть!»

Тревельян включил голопроекторы – они охотно повиновались командам, отданным на земной лингве – и велел настроиться на внешний обзор. Длинный серебристый корпус «Адмирала Вентури» тут же повис у потолка на фоне звезд и туманности Бивня; их отражения мерцали в зеркале брони, орудийные башни грозили Вселенной жерлами аннигиляторов. Переходной модуль был уже убран, и крейсер теперь не падал бесконечно на Сайкат, а с неторопливым величием отплывал подальше от станции, чтобы начать разгон перед прыжком сквозь квантовую пену Лимба.⁵ Он был прекрасен – реальное воплощение силы Земной Федерации, ее могущества и власти в Рукаве Ориона.⁶

«Салют, мальчуган! – проскрипел Советник. – Салют! Корабль этого достоин!»

Тревельян покорно вытянул руку со стиснутым кулаком, а дед принялся рассуждать о совсем уж древней древности, о Войнах Провала и адмирале Вентури, личности героической и легендарной, оборонявшей земные колонии Тхар и Роон тысячелетие назад. Тем временем на корабле, носившем имя флотоводца, включили малый гравипривод, и крейсер, скользнув стремительно в космическую тьму, скрылся в направлении туманности. Дождавшись этого момента, Тревельян с облегчением вздохнул, сбросил все, что на нем оставалось, проследовал в ванную и залез в бассейн. Бассейн был невелик, метра три в диаметре, и явно рассчитан на одного человека. Над ним возникло пленочное зеркало, спустилось пониже, отразив лицо Тревельяна, и тот принялся рассматривать свои черты – нос с горбинкой, твердые контуры подбородка и губ, темные глаза и вертикальную морщинку меж бровями. На его сухощавом крепком теле не было ни волоска, но шевелюру он спас от эпиляции и не пожелал перекрашивать радужку глаз в серый или зеленый цвет. В тех мирах, где приходилось трудиться тайно, он старался походить на местных жителей, но здесь, на станции, это было лишним. К чему подделываться под кнй'лина? Здесь он был и оставался человеком Земли.

«Любуешься? – проворчал командор. – Ну-ну! Слишком уж вы стали холеные да гладкие, здоровье очень бережете и живете долго, вкусно, сладко. По другому, парень, нужно жить! Помнить, что смерть всегда ходит рядом – особенно промеж звезд и в чужих курятниках вроде этого».

«Я помню, дед, – мысленно ответил ему Тревельян. – Ты ведь знаешь, какая у меня профессия. Забыть о смерти не дает».

«По сей причине я тебя и выбрал среди своих потомков», – прошелестел призрачный голос и смолк.

Через несколько минут Тревельян вылез из бассейна, обсох под теплым ветерком, поглядел на багаж и решил, что разбираться с ним будет поутру. Ложе в спальне показалось ему мягковатым; он отрегулировал гравиподвеску на «же» с четвертью и уснул, заблокировав дверь и не отключая обруча. Последняя мысль была о том, что дед, конечно, прав: в чужом курятнике смерть ходит рядом.

Вопреки распространенному мнению, кланы кнй'лина не являются нациями или чем-то им подобным. Несколько причин не позволяют сделать такое заключение.

⁵ Лимб или Край, Окраина – область квантового шума, хаоса, который окружает Вселенную. В Лимбе корабли перемещаются быстрее света. Квантовая пена – хаотические флуктуации субквантовых частиц, слагающих поле и вещество. При попытке совместить две точки пространства (сделать мгновенный прокол) квантовая пена играет роль противодействующего фактора.

⁶ Галактические Рукава или Ветви: Рукав Стрельца – ближайший к центру Галактики; Рукав Ориона, на периферии которого находится Солнце; Рукав Персея – последняя, третья Ветвь, которую отделяет от Солнца космический Провал шириною в 4000 парсек.

Во-первых, кланы есть образования искусственные, результат генетического эксперимента, осуществленного в эпоху Метаморфозы с единственной целью – спасти кни'лина от вымирания. Во-вторых, два основных клана *ни* и *похарас*, как и более мелкие, имеют общий язык (правда, с некоторыми особенностями). В-третьих, их обычаи, культура поведения, одежда, пища, погребальные ритуалы и так далее весьма похожи, а различия в этих сферах не достигают уровня тех барьеров, какие разграничивали в прошлом земные народы.

Если же вспомнить о главном, то есть о генетическом различии между *ни* и *похарас*, то оно опять же не связано с земным понятием «народ», так как все расы и народы нашей планеты принадлежат к единому генетическому типу и при скрещивании дают потомство. Поэтому мы должны определить кланы как нечто отличное от традиционных понятий «раса», «народ», «нация», «племя» и рассматривать их как особую категорию, относящуюся исключительно к кни'лина и не имеющую аналогов в земной антропологии.

П. Федоров, А. Георгадзе

«Кланы кни'лина. Пример искусственной эволюции»

Глава 2

Кни'лина

Тремельяна разбудило громкое жужжание двери – какая-то ранняя пташка ломилась в его апартаменты, громко заявляя о своем присутствии. Он слетел с постели, бросился к сумке, чтобы отыскать халат, но вовремя вспомнил, что нагота у кни'лина не является предосудительной, особенно в утренний час. Пристроив на голову Обруч Славы и натянув трусы, Ивар, как был, босой и полуголый, встал перед дверью и велел показать визитера.

Дверь обрела одностороннюю прозрачность. За ней стояла невысокая тощая женщина, облаченная в сайтени – шорты с майкой, являвшиеся у кни'лина рабочим одеянием. Костлявые ноги с мосластыми коленями торчали из широких штанин, плечи были по-мужски широкими, грудь плоской, а лицо, почти безгубое, с резкими чертами и внушительным носом, грешных мыслей отнюдь не будило. Вообще-то плешаки считались импозантной расой, но этот экземпляр был, пожалуй, исключением, что ранило Тремельяна, поклонника женской красоты.

– Разрешаю войти, – сказал он, отступая подальше, к центру овального зала.

Дверь сдвинулась, дама вошла и окинула его подозрительным взглядом мутноватых и слишком близко посаженных серых глаз. Казалось, ей предстоит исполнить некую миссию, малоприятную, но совершенно необходимую. В кулаке она сжимала какой-то прибор, похожий на старинный пистолет: широкая короткая трубка с массивной рукоятью и спусковой скобой.

Чуть согнув колени в знак приветствия, женщина промолвила:

– Найя Акра, психолог, *похарас*. – Голос у нее был резкий, словно водили ножом по стеклу, и благозвучная речь кни'лина в ее устах звучала карканьем.

«Вобла сушеная, уродина и глазки в кучку», – прокомментировал командор.

Пока Тремельян соображал, не пожелать ли Найе Акра, психологу, утренней радости, она отвернулась, посмотрела на его багаж и буркнула:

– Достойный Джеб Ро, координатор, велел мне проверить твоё снаряжение. Что в этих контейнерах?

Ни достойным, ни ньюри, то есть ученым-экспертом, она его не назвала. Но Тремельян мог многое простить женщине, даже некрасивой. Присев и вытянув руки, он вежливо представился:

– Ивар Тремельян, Фонд Развития Инопланетных Культур, ксенолог. Прибыл согласно договоренности между Фондом и научным департаментом Хорады. Приму посильное участие в вашей работе...

Это, как и в случае с Иутином, являлось малым представлением, но договорить ему не дали: Найя Акра ткнула трубкой в сторону багажа и снова проскрипела:

– Что в этих контейнерах?

«Похоже, мальчуган, тебе сейчас поставят клизму», – ехидно заметил дед.

«Вряд ли», – отозвался Тремельян, а вслух произнес на диалекте клана *похарас*:

– Так, всякие мелочи.

Психолог огладила ладонью голый шишковатый череп, подняла взгляд к потолку и сообщила:

– Йездан велик! По упомянутой тобой договоренности земляне не должны проносить на станцию оружие. Роботы и импланты, кроме жизненно необходимых, тоже под запретом. Повторяю вопрос: что в твоих контейнерах?

– В этом, – Тревельян коснулся самого тяжелого и большого ящика, – продукты питания. Концентрат из овощей, фруктовое пюре и сублимированное мясо.

– Плоть животных, – презрительно скривилась Найя Акра.

– Именно, достойная. Еще вино – коньяк на нашем языке. – Он послал психологу нежную улыбку. – Хочешь попробовать?

В отличие от Иутина, она не дрогнула, а лишь скривилась еще сильнее и пробормотала:

– Мерзкие привычки мшаков... Йездан сказал: у протянувшего руку к запретному да будет она полна пыли.

– У каждого есть своя чаша с ядом, ньюри, – парировал Тревельян, припомнив максимум из Книги Начала и Конца. Но его познания в религии *похарас* остались незамеченными.

– Зачем тебе еда? – сказала Найя Акра, направив на контейнер луч из своего прибора. – Ты думаешь, у нас ее недостаточно? На станции обширные запасы. Есть даже тинтахское безалкогольное вино.

– Мой метаболизм требует спиртного. Есть еще вопросы?

– Есть. Осталось два контейнера и этот тюк. – Контрольный луч переместился к сумке.

– В тюке моя одежда. В плоском ящике летающее крыло, в последнем – научное и походное оборудование.

– Летающее крыло?

– Да. Нечто вроде гравипланера.

– Зачем, во имя Сероокого?

– Для наблюдений с воздуха.

– В экспедиции имеются более совершенные средства.

– У каждого свои методы, – возразил Тревельян, глядя, как луч обегает контейнеры. На последнем ящике световое пятно задержалось.

– Здесь твое оборудование? Что в него входит?

– Компьютер, аптечка, транслятор, голокамеры, справочная библиотека на кристаллах.

Скафандр, палатка, комплект походных принадлежностей – нож, топор и...

– Вибронож или лазерный хлыст?

– Нет, ньюри. Обычное стальное лезвие.

– Компьютер с искусственным интеллектом?

– Отнюдь. Примитивная машина для обработки записей и архивации отчетов.

– Что еще?

– Еще устройства для связи и полевых наблюдений.

– Устройства для полевых наблюдений... – В голосе Найи Акра послышался металлический лязг. – Вы нам не доверяете?

– Почему же? Но у нас был свой пророк вроде Йездана Сероокого, и он учил: доверяй, но проверяй.

– Ладно. – Психолог уставилась на Тревельяна, и он догадался, что ей ужасно хочется ткнуть в него лучом. Хочется, но нанести такое оскорбление она не решилась и лишь спросила: – Импланты? Боевых нет?

– Только медицинский. Здесь, слева под ребрами. – Ивар хлопнул по голому животу.

– А этот наголовный обруч?

– Почетная награда. Я надел ее в знак уважения к тебе, ньюри.

Сухо кивнув и не сказав ни слова, Найя Акра выключила свой аппарат. «Про меня не догадалась», – дошла до Тревельяна мысль Советника. Следуя земным инстинктам, он шагнул к психологу, но та поспешно развернулась и направилась к двери.

– погоди, достойная! У меня тоже есть вопросы.

– Да? – спросила она, не оборачиваясь.

– Я должен представиться Джебу Ро и прочим специалистам. Мне нужен весь накопленный вами материал. Надо договориться о вылазке на планету, о полевых исследованиях, а также...

– Не моя компетенция. Свяжись с помощником координатора.

Психолог исчезла.

– Ну, какие впечатления? – спросил Тревельян.

«Стервозная баба, – отозвался дед. – Ты слышал о Тени Ареопага? Так вот, она, похоже, из его ведомства».

Ареопаг являлся исполнительным и совещательным органом при императоре *похарас*, а Тень Ареопага заведовал разведкой. Но вряд ли Найя Акра входила в его штат – туда подбирали людей безукоризненно вежливых и не таких подозрительных.

Командор вздохнул – разумеется, ментально.

«Жаль мне тебя, паренек. С этими плешаками каши не сваришь. Даже бутылку распить тебе не с кем».

– Могу с тобой.

«Только виртуально», – снова вздохнул Советник.

Время было еще раннее, и Тревельян, натянув штаны, повозился немного, разбирая багаж. Вытащил плоскую панель компьютера с контактным шлемом, нашел сетевое гнездо и подключил свою машину к искусственному интеллекту Станции. Развесил в шкафах одежду, расставил оборудование и кое-какие приборы, загрузил продукты в раздаточный автомат. Проголодался и, решив отведать что-нибудь из местных блюд, заказал курзем, фруктовый коктейль «Три сестры» и бокал зеленого тинтахского вина.

Курзем из мясных грибов и коктейль оказались просто изумительны, но к вину Тревельян долго принимался и отхлебнул лишь пару глотков. Этиловый спирт и любой алкоголь были для кни'лина сильным ядом, однако культура питья у них существовала – возможно, даже более изысканная, чем на Земле. Ее основой являлись смеси соков, как правило безобидных или с легким наркотическим эффектом, похожим на действие крепкого чая. Искусство составления коктейлей ценилось очень высоко и культивировалось в обоих кланах, *ни* и *похарас*. Был и напиток из ягод лозы, подобный вину цветом и запахом, но содержащий вместо спирта неизвестный алкалоид. Производился он не у кни'лина, а на Тинтахе, одном из миров лоона эо, древней мудрой расы, что контактировала с Земной Федерацией около тысячелетия. Действие тинтахского на людей было изучено плохо, хотя в старину, в период активной космической экспансии, его, как помнилось Тревельяну, вроде бы пили.

Напитки автомат выдал в токарах, чашах из тонкого, почти прозрачного небьющегося фарфора, грибной курзем – в тока, вытянутой ендове с ручкой; есть его полагалось токати – щипчиками, концы которых походили на чайные ложечки. Тревельян ловко управлялся с ними и не пронес ни кусочка мимо рта. Несмотря на изобилие блюд и роскошную кухню, ритуал еды у кни'лина был довольно простым: посуда – тока и токары, универсальный столовый прибор – токати. Впрочем, поесть они любили не меньше землян.

Отправив посуду в щель автомата и приказав компьютеру включить голосовую связь, Ивар затребовал штатный список экспедиции. Достойных персон, то есть специалистов с высшим статусом, набралось десятков, и столько же здесь было слуг, выполнявших технические обязанности. Их лица проплыли в голопроекции, возникая и угасая в центре зала, и в такт появлению этих картин тихий компьютерный голос называл имя и род занятий каждого:

Джеб Ро, координатор экспедиции, палеонтолог. Явно аристократ *похарас*, отметил Тревельян; староват, но бодр и важен, как индюк.

Первый Лезвие, субкоординатор, антрополог. Разумеется, *ни*; властный взгляд, надменные черты, презрительно сжатые губы.

Зенд Уна, лингвист. Худощавая физиономия, впалые щеки, глаза фанатика. *Похарас*.

Второй Курс, биолог, *ни*. Тип, похоже, заурядный; увидишь такое лицо и через секунду забудешь.

Третья Глубина, первый генетик, *ни*. Весьма красивая дама, но, вероятно, строгих правил: глядит, как гвозди заколачивает.

Ифта Кии, второй генетик, аристократка *похарас*. Прелестная женщина: уста алые, глаза зеленые, личико будто выточено из алебаstra. С этой стоит подружиться, решил Тревельян; на пуританку непохожа.

Найя Акра, психолог. В голографии выглядит ничуть не лучше, чем живьем. *Похарас*, но, как и Зенд Уна, не из сословия аристократов.

Четвертый Пилот, *ни*, картограф. Похоже, самый старый в экспедиции: физиономия морщинистая, глаза под набрякшими веками смотрят устало. Первую сотню лет точно разменял.

Пятый Вечерний, ботаник. Мрачноватый *ни* с самой злодейской рожей, мощной шеей и бугристым черепом. Имя, вызывавшее ассоциации с кладбищем и мертвецами, вполне ему подходило.⁷

Иутин, третий генетик.

Почти приятель, подумал Ивар, быстро проглядывая изображения слуг и стараясь запомнить их имена: Зотахи и Могар уже знакомы, а кроме того – Пайол, Тикат, Шиар, Эвект, Гиббех, Аткайя, Ори и Инданга. Все из клана *ни*, будто *похарас* не пожелали затруднять своих служителей.

Закончив просмотр, Тревельян облачился в ярко-желтое трико и камзол лимонного цвета с вышитыми на груди наградами, встал перед камерой и произнес:

– Ивар Тревельян, ксенолог, желает связаться с ньюри Первым Лезвием.

– Субкоординатор Первый Лезвие принимает ванну, – ответил безликий голос кибернетического секретаря. – Вызов зафиксирован.

– И что это значит?

Голос изменился, став внезапно глубже и благозвучнее. Теперь с Тревельяном говорила Сайкатская Исследовательская Станция – вернее, управлявший СИСом искусственный Мозг.

– Субкоординатор ответит достойному ксенологу в самое ближайшее время. По земному счету в течение полутора часов.

Ивар раздраженно хмыкнул, но деваться было некуда – ритуал официального знакомства полагалось свершить по полной программе, в парадных одеждах и при орденах. В штате СИС он должен занять третью позицию или разделить ее с лингвистом Зендом – третью, и не ступенью ниже! Он обладал этим правом как представитель земного Фонда и опытный разведчик-наблюдатель.

Снова вызвав череду будущих коллег, он полюбовался очаровательной Ифтой Кии и, добравшись до конца списка, начал разглядывать Иутина. Скулы широкие, глазки карие... Неординарная внешность для *ни* или *похарас*, да и для любого другого клана! К какому он относится сообществу?.. Однако Ивар не смог определить принадлежность третьего генетика, и это его смущало.

Вообще-то кланы *ни* являлись образованием искусственным, не имевшим аналога в земной истории, так что отождествлять их с нациями или, тем более, с расами не приходилось. В древности население Йездана, их материнской планеты, было однородным, распространившимся по континентальной суше и многочисленным островам. Тогда, на заре космических полетов, Йездан обладал одним естественным спутником, потом захватил вторую луну, крупный астероид, чудом не свалившийся в океан или на единственный материк

⁷ «Вечерний» обозначает у *ни* лина не только время суток, но и синий траурный цвет.

обитаемого мира. Но катаклизм все же случился приличный: волны цунами смыли города, растаяли льды на полюсах и пробудились вулканы, пыльные тучи закрыли небосвод. Цивилизация пала, и на ее руинах начались волнения, свары и бунты, а затем, как то в обычае у гуманоидов в тяжелую годину, полномасштабная война. Спустя столетие страсти чуть успокоились и даже наметился прогресс, но тут на выживших обрушилась болезнь. Она была неизлечимой, имела характер пандемии, распространялась стремительно, и население материка стало вымирать.

На океанских островах сложилась ситуация получше – там объявили карантин, сели в блокаду и жгли любой корабль, любое воздушное судно, не допуская к своим берегам чужаков. Это не могло предотвратить пандемию, но обеспечило время биологам и медикам для разработки вакцин, а затем и более радикальных мер спасения: жители двух крупнейших островов Ни и Похарас и ряда мелких подверглись генетическому преобразованию, став недоступными недугу. На каждом острове врачи трудились в изоляции, и разработанные методы, как и последствия метаморфозы, были различны; она повлияла на высшую нервную деятельность, репродуктивный аппарат и эндокринную систему. Когда блокаду сняли и началось заселение материка, эти различия в психике, физиологии и темпераменте вскоре проявились с полной очевидностью. *Похарас* и члены мелких родственных кланов были эмоциональны, религиозны, чувственны и склонны к созерцанию; у *ни* рациональное начало превалировало, они обладали острым умом, техническим даром и воинственностью. Форма власти у *похарас* напоминала просвещенную монархию, тогда как *ни* являлись стойкими приверженцами технократии. Кроме того, любовная связь между партнерами из разных кланов была, как правило, бесплодной.

Тысячелетия сгладили разницу в психике, но кланы в единый народ не слились. Они обитали на единой территории, на континенте и островах Йездана, но вновь заселяемые миры принадлежали только *ни* или *похарас*. Их политика была независимой – так, с Землей воевали *ни*, более крупный и мощный клан. Имелись два органа власти – Ареопак при императоре *похарас* и группа лидирующих технократов *ни* (был еще координирующий центр, нечто наподобие третейского суда); *похарас* держали миссию на Луне, в Посольских Куполах,⁸ а *ни* избегали контактов с землянами; *похарас* были религиозны и верили в божественность Йездана,⁹ тогда как *ни* являлись атеистами, считавшими Йездана просто древним мудрецом-философом. Словом, различия были, но это не мешало *ни*, *похарас* и двум десяткам мелких кланов как-то уживаться на Йездане и в пределах собственного сектора влияния.¹⁰ Возможно, имелись у них какие-то разногласия, но об этом Тревельян не знал.

Правда, сотрудники ФРИК не изучали кни'лина, как и хапторов, дромии, льяно, сильмарри, метаморфов, паракримов и другие звездные народы, владевшие техникой перемещения в Лимбе. Заботой Фонда являлись меньшие братья, примитивные дикие расы, прозябающие в невежестве, которых надлежало развивать и приобщать к наукам и искусствам с помощью деликатного воздействия в несколько эстапов.¹¹ Что до плешаков с Йездана, то они в развитии не нуждались и относились не к меньшим братьям, а к конкурентам и соперникам. Ряд организаций на Земле и в наиболее продвинутых колониях изучали их культуру и историю, обычаи и языки, занимались их экономикой, техникой и оценкой военного потенциала, но это были не институты ФРИК, а совсем другие ведомства – к примеру, разведка Звездного Флота. Возможно, там знали больше о кни'лина.

⁸ Посольские Купола – квартал инопланетных посольств в лунном городе Кенде, на берегу Моря Дождей.

⁹ Йездан – название материнского мира кни'лина и, одновременно, имя их божества.

¹⁰ Сектор влияния – область Галактики, в которой доминирует та или иная звездная раса.

¹¹ Эстап, или ЭСТП (терминология ФРИК) – элемент социального и технологического прогресса, внедряемый в примитивное общество. Например, таким элементом может быть идея о шарообразности мира или одомашнивании животных, способ выплавки стали или селекция сельскохозяйственных культур, проект паровой машины или ткацкого станка.

Кто же ты, третий генетик?.. – размышлял Тревельян, всматриваясь в улыбчивое широкоскулое лицо. Внезапно вспомнилось ему представление Иутина и то, чего он не сказал: имя, статус, профессия – все было ясно обозначено, а клан опущен. Станный нюанс! При первом знакомстве кни'лина всегда называли клановую принадлежность, что являлось правилом этикета, обязательным и в том случае, когда имя, одеяние и внешность сами собой говорили о клане. Правда, потом Иутин уточнил: я – зинто...

– Станция! – произнес Тревельян.

– Слушаю, ньюри, – отозвался Мозг.

– Кто такие зинто?

Молчание. Оно продлилось пару секунд, но, с учетом скорости обработки данных, искусственный интеллект раздумывал не меньше часа. Затем произнес:

– Информация не может быть выдана, ньюри Тревельян, так как затрагивает внутренние дела расы кни'лина.

– И что с того?

– Согласно договоренностям между Земной Федерацией и Хорадой, подобные сведения не передаются той или другой стороне без санкции правительств. Это относится к любым источникам информации, книгам, фильмам, памятным кристаллам и компьютерам любого уровня.

«Здесь тебе ничего не обломится», – заметил командор, и Тревельян согласно кивнул. Даже примитивный робот не смог бы сообщить запретных данных, а Мозг станции был устройством интеллектуальным, чей уровень наверняка превосходил порог Глика-Чейни.¹² Попытка нарушить базовые инструкции означала для него самоуничтожение.

– Поищу ответ в литературе, – буркнул Тревельян и снова просмотрел экспедиционный список. Несомненно, специалисты были в нем перечислены по убыванию статуса, от Джеба Ро до Иутина, стоявшего ниже картографа и ботаника. Таким был порядок у плешаков: в каждом замкнутом коллективе существовала строгая иерархия, причем в ее рамках *ни* создавали собственную группу. У них подчиненность отражалась даже в именах, к которым добавлялось: Первый, Второй, Третий и так далее. В группе СИС Первым был антрополог Лезвие, а Пятым – ботаник Вечерний, но в других обстоятельствах и группах эта нумерация могла измениться. *Похарас* имели двойные имена, и иерархия в их команде была не столь явной, определявшейся благородством происхождения, заслугами и близостью к лидеру группы. Служители и работники *ни* и *похарас*, как и в прочих кланах, носили одно имя; этимология этих имен, как помнилось Тревельяну, восходила к глубокой древности, к эпохе до глобальной катастрофы.

В строгом иерархическом перечне Иутин являлся загадкой. Не *похарас* или *ни* и не слуга... Член какого-то малого клана?.. Но почему он его не назвал?

– Загадочный тип, – промолвил Тревельян. – Третий генетик, а изучает мутации туземцев, причем в обеих группах... Вроде бы не по чину!

«Разве?» – полюбопытствовал командор.

– Градиент изменений в данном случае – важнейший фактор. Идут ли мутагенные процессы с равной скоростью в обеих популяциях или одна отстает от другой? Прогрессивны или регрессивны эти перемены? Зависят ли они от ареала обитания, то есть от климата, рельефа местности, богатства охотничьих угодий? Есть ли корреляции с особенностями био-

¹² Теорема Глика-Чейни, или Первая теорема психокибернетики, была сформулирована и доказана в конце XXI века. Теорема устанавливает порог, выше которого искусственный разум неотличим от человеческого (его также называют границей Тьюринга – в честь математика XX столетия, занимавшегося этой проблемой). Частное следствие теоремы Глика-Чейни гласит, что кибернетическое устройство с высоким интеллектом не способно к убийству и уничтожению. Это не позволяет поднять интеллект боевого робота выше границы Тьюринга.

ценоза? Тонкие вопросы, дед! Проблемы для первого генетика... ну, в крайнем случае, для второго.

«Первый и второй – обе бабы, – заметил призрачный Советник, – и разум у них не в голове, а между ног».

– Ты не прав. Женщины, они... – начал Тревельян, но тут в центре зала, среди стоек голографических проекторов, вспыхнуло голубое сияние, и безликий голос компьютера-секретаря сообщил:

– Ньюри Первый Лезвие желает связаться с ньюри Тревельяном.

– Разрешаю связь.

Сказав это, Ивар с живостью поднялся с диванчика, одернул камзол и выпятил грудь с вышитыми серебром и золотом наградами. Такие камзолы, как и слишком пышные украшения, на Земле давно уже вышли из моды, но у дипломатов, ведущих дела с кнн'лина, они являлись рабочей униформой. В хранилищах Фонда тоже был целый кнн'линский гардероб – на случай совместных экспедиций.

Голубой туман исчез, уступив место рослой фигуре субкоординатора в кафтане утреннего цвета, с золотыми спиральными браслетами на предплечьях и роскошными наколенниками. Он оказался точно таким, как в голографии: высоколобый крупный череп, пронзительные серые глаза, сурово стиснутые губы. Хотя он явился в парадных одеждах, но всем своим видом показывал, что удовольствия от встречи с землянином не испытывает.

Тревельян согнул колени.

– Утренней радости тебе, достойный! Я Ивар Тревельян, социоксенолог и разведчик-наблюдатель Фонда Развития Инопланетных Культур, Земля. Кавалер Почетной Медали, Венка Отваги и Обруча Славы, специалист по гуманоидным сообществам. До появления наших исследователей я представляю здесь Фонд. Моя позиция среди его лидеров – в первой сотне.

– Первый Лезвие, антрополог, *ни*, – произнес субкоординатор, чуть присев. – Носитель звания Звезда Эрцгаммы. Занимаюсь морфологией¹³ примитивных рас.

Он ответил полным представлением, и значит, формальности были соблюдены. Правда, глядел при этом так, будто Тревельян относился к этим примитивным расам.

– Упомянуто тобой, – молвил субкоординатор после паузы, – что ты в первой сотне среди возглавляющих ваш Фонд. Прошу уточнить, в какой половине этой сотни.

– Ближе к началу, чем к концу, – с гордостью произнес Тревельян, что было святой истиной. Он не входил в число консулов-администраторов, крупных ученых и теоретиков, но считался одним из лучших и самых удачливых полевых исследователей. Возможно, самым лучшим, и только два недостатка мешали признать этот факт: склонность к юмору и слабому полу.

– Надеюсь, ты быстро приобщишься к нашим работам, – сказал Первый Лезвие.

– В этом моя цель, – подтвердил Тревельян. – Я хотел бы просмотреть материалы, собранные вашей группой, и представиться всем специалистам. Кроме того, договориться о вылазке на планету.

– Материалы, пока без решающих выводов, хранятся в запоминающем устройстве, и я перешлю тебе коды доступа. Очередной полет на северный материк, в наш базовый лагерь, запланирован через восемь дней. Что же до представления... – Носитель Звезды Эрцгаммы с задумчивым видом уставился в пол. – Думаю, это нужно сделать во время совместной трапезы. Кажется, у землян есть такой обычай?

– Да, ньюри.

¹³ Морфология – раздел антропологии. Эта дисциплина изучает рост и общие закономерности строения человеческого тела.

– Еда и питье – вот узы, соединяющие каждого с каждым, – процитировал Первый Лезвие Книгу Начала и Конца и исчез.

«Намечается банкет? – раздался ментальный голос Советника. – Придется тебе ползать на коленках! Еще и задницу отсидишь».

– Как-нибудь выдержу, – сказал Тревельян, сбросил свои роскошные одежды и потянулся к комбинезону. Потом зарядил в компьютер обойму с кристаллокнигами и начал быстро их просматривать. Библиотека, которую ему подобрали в этнографической секции Фонда, была неплохой и весьма содержательной. Кроме «Большого Звездного Атласа» с координатами и описанием планет и звезд, кроме прочих технических справочников, кроме словарей диалектов *ни* и *похарас*, сборников сленговых выражений, идиом и жаргона слуг, в ней содержались труды солидные, классические: оригинал и перевод Йездановой Книги Начала и Конца, монографии Мицубиси «Жизнь на четвереньках» и Чезаре Биано «Пять дней в Посольском Куполе кни'лина», обширные работы Федорова и Георгадзе «Кланы кни'лина. Пример искусственной эволюции», Бонджипадхала «Аналогии между буддизмом и йездан'таби», Та-цзуми и Дворкина «Кни'лина. История, обычаи, верования». Имелись даже «Кухня кни'лина» Жака Жироду и «Другая любовь. Сексуальная практика гуманоидных рас» Ричарда Клейста.

Тревельян просканировал все в режиме поиска, от «Кухни» до «Сексуальной практики», но упоминаний о зинто нигде не нашел.

Понятие личного пространства (коно) является одним из основополагающих в культуре кни'лина, как *похарас*, так и *ни*. Коно – область в четыре-пять шагов, куда не имеет права вторгаться другой индивидуум – никто, кроме слуг, медиков и очень близких лиц (как правило, состоящих с носителем коно в сексуальной связи). Возникновение этого обычая относят к периоду до Метаморфозы, к эпохе пандемии, опустошившей материк Йездана и чуть не сгубившей остатки населения, которое ютилось на островах. Смертоносный вирус передавался многими путями, в том числе воздушным, и приближаться друг к другу было опасно.

Та-цзуми, И.Дворкин.

«Кни'лина. История, обычаи, верования».

Глава 3

Станция и планета

Сайкатская Исследовательская Станция, общая база землян и кни'лина, имела форму диска, разделенного внутренней палубой на два яруса. Нижний, всегда обращенный к планете, считался техническим, верхний – жилым, и в его иллюминаторах сияло солнце Сайката и блестели крохотные искры звезд. По окружности каждого яруса шла кольцевая галерея, внизу – высокий и широкий коридор, загромаженный оборудованием, вверх – коридор более скромных размеров, но со стенами приятной расцветки, украшенный зеленью, фонтанами и световой объемной живописью, исполненной в традициях *похарас*. Нижняя галерея делилась на шлюзовые отсеки с транспортными капсулами, двигательные отделы и помещения с энергетическими подстанциями, питавшими биоизлучатель и аппаратуру дальней связи. Центральную часть нижнего яруса занимали склады, блоки системы жизнеобеспечения и генератор Лимба, снабжавший станцию энергией.

Верхняя половина казалась гораздо интереснее. Коридор здесь состоял из пары огромных «подков», изолированных друг от друга – секции землян и секции инопланетных коллег. К каждой примыкали три просторные площадки с выходившими к ним каютами, невероятно большими по земному понятию, но отвечавшими вкусам и обычаям кни'лина. Пройти от одной секции к другой можно было лишь через середину станции, где находились центральное управление, лаборатории, парк, зал собраний, виварии и несколько еще не занятых отсеков. В центре, у многочисленных пультов и искусственного Мозга, несли вахту слуги клана *ни*, обычно Зотахи, Шиар или Эвект, техники систем жизнеобеспечения. Рядом с централью располагалась камера, запечатанная кодами ФРИК и Хорады, – из нее управляли биоизлучателем, задействовать который предполагалось только при полном консенсусе обеих рас. В зависимости от настройки, излучение могло стимулировать мутации терре или тазинто, ускорив эволюционные процессы, в своем естественном течении занявшие бы тридцать или сорок тысяч лет. Такой эксперимент стал бы первым в своем роде и, при удачном стечении дел, поднял бы авторитет Йездана и Земли в галактическом сообществе.

В лабораториях, удобных и прекрасно оснащенных, обрабатывали биологический материал, вели изучение физиологии и психики аборигенов, их потенции к развитию, миграций и роли окружающей среды. На Сайкате было три материка – северный, юго-западный и юго-восточный, и только северный был населен. Этот континент являлся самым крупным, вытянутым в широтном направлении и превышающим площадью Евразию; южные, в половину Африки, отделялись от него и друг от друга тысячекилометровыми проливами.

В парке, которым заведовал Пятый Вечерний, росли деревья, травы и кустарники с северного материка, несколько сотен разновидностей, с ландшафтами, имитирующими степной, лесной и горный биоценозы. К парку примыкали виварии с сайкатскими животными и птицами – из тех, что безобидны; хищников и ядовитых гадов Джеб Ро, координатор, ввозить запретил. Впрочем, материала для генетиков было вполне достаточно.

Именно в парке, на третий день пребывания на станции, Ивар встретился с коллегами. Стол накрыли в большом павильоне у границы леса и степи, и каждый мог полюбоваться необъятной голографической далью, что открывалась за морем золотистых трав. Четыре перемены блюд плюс закуски, соки и тинтахское вино делали банкет вполне достойным представителя Земли, хотя большой сердечности во взглядах и речах не наблюдалось.

Для человека не столь подготовленного, как Тревельян, пиршество кни'лина было нелегким испытанием. Скрестив ноги и выпрямив спины, они сидели на ковре перед небольшими столиками, и слуги Ори и Тикат, переползая от одного достойного к другому, нето-

ропливо меняли токары и тока с питьем и едой, обходясь без помощи роботов и гравипод-
носов. Вставать не полагалось, ибо в быту кии'лина почти не использовали мебель, и эта
сторона их жизни проходила на коленях, что было весьма похоже на традицию японцев.
Живые слуги считались знаком особого почтения к гостю, как и парадные одежды, султаны
из перьев, диадемы и браслеты. Место Тревельяна тоже было почетным – третье от коорди-
натора Джеба Ро.

Низкие треугольные столики располагались метрах в трех друг от друга, и этот поря-
док нарушался лишь единожды: Джеб Ро и Ифта Кии сидели рядом. Увидев это, Треве-
льян вздохнул; такая близость означала, что красавица – под личным покровительством
координатора. Он был немолодым, но представительным мужчиной: широкие плечи, гордая
посадка головы, холеное лицо и властный взгляд. То, как он поднимает бокал, берет токати
пищу или поворачивает голову, казалось исполненным внутренней мелодии: величествен-
ный вид, изящная поза, плавные медленные телодвижения. Истинный аристократ *похарас*!
Другие выглядели проще, особенно люди клана *ни*. Второй Курс, биолог с самой зауряд-
ной внешностью, едва прикоснулся к изысканным блюдам, но налегал на тинтахское; Тре-
тья Глубина, стройная женщина с холодными глазами, ковыряла щипчиками в чаше, будто
исполняя неприятный долг; Четвертый Пилот, морщинистый и сухощавый, ел и пил уме-
ренно и временами так поглядывал на Тревельяна, будто целился из игломета ему в лоб.
Ботаник Пятый Вечерний, огромный детина с мускулатурой борца и разбойничьей рожей,
опустошал токары и тока с полным равнодушием, не поднимая глаз на сотрапезников. Найя
Акра, психолог *похарас*, уже знакомая Ивару, вела себя загадочно – при каждой перемене
блюд делала странные жесты, как бы разбрасывая по сторонам горсти невидимого песка. На
ее тощей физиономии застыло выражение брезгливости.

Говорили трое – Джеб Ро, Первый Лезвие и лингвист Зенд Уна. Беседа вгоняла Ивара в
тоску, так как подчинялась строгим правилам: координатор высказывал некую мысль, Пер-
вый Лезвие ее развивал, потом лингвистом добавлялась заключительная фраза, и троица
ждала, что ответит гость. Самым ценным в этом вялом разговоре была информация о пред-
стоящих полевых работах. Джеб Ро сообщил, что вылетит на планету дней через пять и
возьмет с собой земного ньюри; субкоординатор добавил, что для большей безопасности
надо прихватить других достойных – предположим, Иутина и Второго Курса; затем линг-
вист принялся описывать местность вблизи базового лагеря и племени тазинто и терре, что
жили окрест. Когда его речь завершилась, Ивар, сделав жесты благодарности, сказал, что
готов хоть завтра отправиться на Сайкат.

Трапеза длилась четыре с лишним часа, и за это время Тревельяну улыбнулись два-
жды; оба раза – Иутин. Вероятно, он не хотел, чтобы это заметили, и потому его улыбки
были быстрыми и робкими. В последнем Тревельян не сомневался: расположение лицевых
мышц у кии'лина было таким же, как у землян, и мимика не отличалась от человеческой.
Он улыбнулся в ответ и даже подмигнул.

Пир закончился, кии'лина поползли друг за другом к выходу, где Тикат и Ори, почти-
тельно приседая, помогали им встать с коленей. У Тревельяна тоже затекли поясница и ноги,
но он поднялся сам и прислонился к стене павильона, глядя на удалявшихся коллег. Большой
частью на Ифту Кии, которая сзади была не менее очаровательна, чем спереди.

«Слюни пускаешь? – спросил пробудившийся дед. – Не советую. Эта киска уже при
котике».

– Ты меня с этим индюком не равняй. Нет дамы, чтоб устояла перед десантом, – ото-
звался Тревельян и перевел беседу в деловую плоскость: – Ну, какие впечатления?

«Гадючник», – резюмировал командор и смолк.

Тихо ступая, приблизился Иутин, остановился в пяти шагах, вежливо согнул колени.
На плече его парадного камзола трепетали золотые перья.

– Любуешься на второго генетика, ньюри Ивар?

– Можно без ньюри, – сказал Тревельян и, помолчав, добавил: – На Земле считают, что всякая женщина – средоточие красоты, и достойна того, чтобы ею любовались.

Иутин насмешливо прищурился.

– Даже Найя Акра?

– Почему бы и нет? У нее... хмм... очень стройная фигура.

– Слишком стройная. Женщину украшают округлости – конечно, в нужных местах.

Дождавшись, когда исчезнет процессия кни'лина, они зашагали по тропе через луг, поросший густыми золотисто-зелеными травами. Позади, за павильоном, стеной вздымался лес, деревья с темными корявыми стволами напоминали дубы, со светлыми – березы, а коленчатые тростники с узкими длинными листьями казались такими же, как земной бамбук. Чуть правее, где начинался горный ландшафт, торчали среди базальтовых обломков ветви колючего кустарника и мельтешили какие-то мелкие создания, точь-в-точь как ящерицы на солнцепеке. Все вроде бы так, как на Земле... Этот эффект был знаком Тревельяну: глаз, в тоске по земному, выхватывал привычные детали, не желая замечать чужого, непонятного и странного. Но он, будучи разведчиком, обладал искусством более верного зрения и сразу воспринимал иное и отличное: листья «дубов», формой подобные маленьким ладоням с растопыренными пальцами; трещины в стволах «берез», из которых сочилась алая смола; синие цветы, гнездившиеся на вершинах «бамбуков»; рогатые трехглазые мордочки «ящериц». Тут была не Земля, а копия Сайката – точнее, приближение к ней, откуда удалили все клыкастое, когтистое, ядовитое, все опасности девственного мира, оставив только его красоту. Но расслабляться все равно не стоило.

– Я хотел бы... – нерешительно начал Иутин, когда они шагнули на каменистую осыпь.

– Да?

– Сказано Йезданом Серооким: того назову мудрецом, чьи душевные муки не видны миру. И еще он сказал, что страданий больше, чем радостей, и главные из них – унижение и попранная гордость, боль разлуки и одиночество. Униженный подобен мертвецу в погребальном кувшине; не видит он красок мира, не слышит звуков его и не вдыхает ароматов, и перед ним – лишь ухмылка обидчика. Но одиночество еще больней. Одиночество жалит душу, и потому...

«Красиво излагает, – заметил командор. – Как думаешь, что ему нужно?»

«В гости хочет пригласить», – мысленно пояснил Тревельян.

«И только? А маневрирует как при посадке с разбитым реактором!»

«Таков ритуал. У них, дед, все непросто».

Осыпь легла позади, они окунулись в голографическое небо и вынырнули в галерею сектора кни'лина. Вышли прямо из световой картины, изображавшей Йездана с закрытой Книгой в правой руке. Иутин закончил длинную речь о муках и страданиях и, наконец, сказал:

– Раздели мое одиночество, ньюри Ивар. Окажи честь, посетив мое жилище. Тоска по родине, если разделить ее на двоих, становится...

– ...радостью встречи, – продолжил Тревельян максимуму из Книги Начала и Конца. – Я просил обходиться без ньюри. Официоз у нас не принят, особенно среди желающих стать добрыми знакомыми.

– Я понял, Ивар.

Они миновали ответвление к круглой площадке с фонтаном, немного другим, чем в земной секции.

– Кто здесь живет? – спросил Тревельян.

– *Похарас*, все четверо. В следующем отсеке – *ни*, а в третьем и последнем – слуги.

– Где же твоё жилище?

– В отсеке между *похарас* и *ни*.

– Значит, ты не тот и не другой?

– Правильное заключение. Я, Ивар, ветвь того же древа, но растущая у самых корней. Мой статус ниже, чем у Пятого Вечернего. – Иутин смолк, затем, искоса взглянув на Тревельяна, спросил: – Ты все еще хочешь посетить мое жилище?

– Я воспитан в демократических традициях. И я подозреваю, что ты тут единственный, с кем стоит водить компанию.

Свернув в небольшой коридор, что ответвлялся от галереи, и миновав дверь первого лунного цвета, они очутились в таком же просторном зале, как в тревельяновых апартаментах. Планировка была стандартной: за арками угадывались спальня, рабочая комната и ванная. Но мебели, если не считать низкого стола и пары подушек при нем, не оказалось вовсе; пол был устлан циновками, и пустоватое помещение напоминало теннисный корт. Или музейную залу, решил Тревельян, оглядывая стены. Тут, меж дверец немногочисленных шкафов, висело оружие: кривые мечи из кости на длинных рукоятях, дротики и пики с каменными наконечниками, внушительного вида дубинки, кремневые молоты с хищно изогнутым клювом, топоры и бумеранги. Коллекция выглядела внушительно – пожалуй, этими смертоносными штуками можно было вооружить целое племя.

– Изделия туземцев? – любопытно спросил Тревельян, опускаясь на жесткую подушку.

– В основном тазинто. Терре не охотятся, и у них есть только дротики для защиты от хищных зверей. Вот такие. – Иутин снял со стены копье длиной метра полтора, с обсидиановым лезвием размером с ладонь.

– Камень отлично обработан.

– В этом они мастера, как и в метании таких снарядов – попадают в цель со ста шагов. Но они безобидные существа, если их не трогать. Собиратели-вегетарианцы – питаются плодами, корнями и корой. Тазинто, те совсем другие.

Тревельян кивнул:

– Больше похожие на нас, землян. Бьют дичь, едят мясо и дерутся с терре и друг с другом... Я уже ознакомился с наблюдениями антрополога и биолога. Мне показалось, что Первый Лезвие и Второй Курс не благоволят тазинто. Собственно, рекомендуют их уничтожить и прогрессировать терре.

– То говорит инстинктивное отвращение к существам, поедающим живых тварей, – задумчиво промолвил Иутин. – К тому же они оба – *ни*, и клан их воевал с Землей. *Похарас* более терпимы. Религия смягчает нравы.

– Смотря какая, – возразил Тревельян, рассматривая коллекцию туземного оружия. – В нашей истории было множество религиозных войн, отличавшихся изощренной жестокостью.

– Я знаю об этом, Ивар. Но Йездан непохож на ваших воинственных богов. Он говорил: способность дивиться чуду жизни – вот что питает корень человеческой души.

– Но разве не сказано им: клинок существует, чтобы поддерживать в мире справедливость?

– Сказано. Но справедливость не есть зло, и чтобы ее добиться, все средства хороши.

В Книге Начала и Конца было не меньше противоречий, чем в Библии или Коране, но Тревельян решил не спорить. Вера инопланетян, особенно похожих на людей обликом, могла отличаться от земных религий в худшую или лучшую сторону, но без двойных стандартов в ней не обходилось. То, что свершает истинный праведник – хорошо, а то, что делает грешник – плохо. Кто праведник, кто грешник, решало оружие, после чего одержавшие верх жгли на кострах проигравших и вспарывали животы их женщинам.

– Ты третий генетик и изучаешь мутации терре и тазинто, – сказал Тревельян, меняя направление беседы. – Это важнейшая тема исследований и, к тому же, весьма ответственная и трудоемкая. Могу я узнать, чем занимаются первый и второй генетики?

– Второй – тем же самым. Считается, что я работаю по указаниям Ифты Ки.

– Только считается?

Иутин усмехнулся.

– Она молодая женщина из хорошего рода, близкого к императорской семье. Она красива и богата, но не очень умна. Чтобы преуспеть в своей профессии, ей нужен влиятельный покровитель. И если такой нашелся, и если он не глуп, то что он сделает? – Его темные глаза, столь необычные для кнй'лина, сверкнули и сразу погасли. – Он отыщет генетика с опытом и неплохими мозгами, но не богатого и уж во всяком случае не знатного – из тех людей, которых лишь терпят среди достойных. Для него участие в престижной экспедиции – дар Йездана, и он на все готов, даже нюхать прах своего погребального кувшина... Стать третьим генетиком при втором и поделиться результатами и славой? Почему бы и нет!

– Ясно, – промолвил Тревельян. – Ну, а Третья Глубина, ваш ведущий генетик? Что скажешь о ее исследованиях?

– В них меня не посвящали. Думаю, об этом знают только достойные Джеб Ро и Первый Лезвие.

– А Зенд Уна? Кажется, он тоже принадлежит к руководству вашей экспедиции?

Всколыхнулись золотые перья – совсем человеческим жестом Иутин пожал плечами.

– Не думаю, что Третья Глубина обсуждает с ним свою работу. Согласись, генетика и лингвистика слишком разные области. Это одно, а другое... – Он помедлил, затем придвинулся к Тревельяну на расстояние метра и тихо произнес: – Она его ненавидит, Ивар... она – его, а он – ее...

– Есть причина для этого?

– Они оба с Тизаны. Все остальные с Йездана или с Кхайры, как я... почти все... Второй Курс, кажется, с Тоу... а Зенд Уна и Третья Глубина – с Тизаны.

– Это, как мне помнится, одна из ваших новых колоний, – заметил Тревельян, не желая задавать прямого вопроса.

– Да. И один из немногих миров, где *ни* и *похарас* примерно поровну, так что чья это колония, пока не решено. На нее претендуют оба клана, и конфликт из-за этого длится уже столетие. В метрополии и на других мирах он незаметен, но на самой Тизане ночной зверь давно уже грызет дневного.

То была идиома, обозначающая вражду; в вольном переводе – драка псов, черного и белого. Кажется, третий генетик пустился откровенничать, подумал Тревельян и решил, что это достойно похвалы. Во всяком случае, дружеского поощрения.

Он расстегнул камзол с вышитыми орденами, добрался до внутреннего кармана, вытащил плоскую фляжку с коньяком и предложил:

– Скрепим знакомство по нашему обычаю, Иутин: выпьем каждый свое, но непременно соединив токары. Дай мне пустой сосуд, а себе возьми тинтахское... Его, надеюсь, ты пьешь?

Иутин кивнул и потянулся к нише пищевого автомата. Золотистый коньяк и вино с Тинтаха были почти одной цветовой гаммы и схожи запахом – казалось, что в белых фарфоровых чашах один напиток. Они чокнулись, вытянув руки на всю длину, и выпили за братство гуманоидов, мир среди звезд и нарождавшуюся дружбу. Потом Тревельян сказал:

– Найя Акра делала так. – Он повторил ее жест, собрав в горсть нечто невидимое и как бы отбросив от стола. – Это что-то значит, Иутин?

– Ритуал верующих в божественность Йездана. Так очищают пищу и питье.

– Но другие *похарас* обошлись без этого.

– Найя Акра очистила трапезу для всех. Она жрица Йездан’таби.

– Вот как? Психолог – жрица?

– Чтобы вести паству к богу, надо быть хорошим психологом. Разве у вас иначе?

Тревелиян оставил вопрос без ответа. В Земной Федерации верующие обходились без священников и жрецов, ибо вера считалась личным делом каждого, столь же интимным, как плотские проявления любви, не требующие вмешательства посредников. К тому же религия в массах землян играла гораздо меньшую роль, чем у *похарас*.

Он снова наполнил токар коньяком. Иутин, взглядом спросив разрешения, взял его чашу, принялся, поднял брови.

– Чудный аромат... Удивительно, что отравы пахнет так приятно.

– К большему соблазну, – сказал Тревелиян, дождался, когда Иутин вернет ему емкость, и медленно выцедил напиток. Иутин поддержал его, взяв второй бокал тинтахского. Щеки генетика разгорелись, на безволосой голове выступила испарина – похоже, наркотическое опьянение овладевало им. Но речь его была по-прежнему ясной.

– Ты оставишь мне этот сосуд? – Он показал на флягу. – Я хочу проверить действие алкоголя на сайкатских животных. Я мог бы синтезировать спирт, но...

Тревелиян подвинул к нему фляжку.

– Лучше возьми этот. Не думаю, что вы, кнй’лина, разбираетесь в спиртах, а среди них есть опасные для любых организмов, земных и инопланетных. От метилового можно ослепнуть. – Он поднялся с подушки, согнул колени и развел руки в стороны. – Благодарю тебя, Иутин, ты развеял мое одиночество. Теперь позволь мне удалиться. Да пребудет с тобой утренняя радость.

– И с тобой, Ивар. Я провожу тебя.

– Нет необходимости. Я выпил слишком мало, чтобы заблудиться.

Тревелиян вышел в коридор, добрался до подковообразной галереи и побрел по ней, разглядывая световые картины. Они попадались через каждые сорок-пятьдесят шагов и изображали Йездана Сероокого в различных позах: Йездан сидящий и стоящий, Йездан с посохом, с ритуальным клинком, с чашей для сбора подаяний, с Книгой Начала и Конца, Йездан в дорожной одежде и в поясном шарфе. Кажется, в парк вела картина, где Йездан был с Книгой... Он прошел сквозь световую завесу, но очутился не в парке, а в круглом и просторном помещении, совершенно пустом, если не считать треугольного стола посередине. На столе располагалась большая чаша-тока, похожая на длинную розовую раковину, и прямо над ней, на сферическом потолке, горело солнечное пятно.

«Где мы?» – спросил, пробудившись, командор.

– Кажется, в святилище Йездана. Я ошибся, дед: в парк ведет картина, где Йездан с закрытой Книгой, а тут у него была открытая.

«Пить надо меньше, – буркнул призрачный Советник. – И желательно в другой компании».

– Что ты имеешь против Иутина? Он рассказал мне массу интересного.

«Хитрая лиса этот твой Иуда-Иутин. Уж не знаю, зачем он с тобой откровенничал, но думаю, не без причины. Слишком ты доверчив и наивен, паренек! В былые годы, когда мы сражались с жабами дрома, с хапторами и плешаками...»

– У нас эпоха мира, и мы мирные люди, – прервал его Тревелиян и услышал в ответ:

«Хочешь мира, готовься к войне».

Покинув святилище, он снова зашагал по галерее. В больших потолочных иллюминаторах сияли звезды и горела, пересекая Млечный Путь, туманность Слоновый Бивень. Изображения Йездана попадались с прежней регулярностью; иногда пророк указывал вниз, и Тревелиян догадался, что за этими картинами – шахты лифтов, ведущих на технологический ярус. Там, если не считать шлюзовой, Тревелиян еще не был, потратив время на бег-

лое знакомство с отчетами и посещение некоторых лабораторий. Первым делом – кабинетов палеонтологии и антропологии, то есть вотчин Джеба Ро и его заместителя Первого Лезвия; такой выбор диктовался субординацией и правилами вежливости. С Лезвием он даже вступил в дискуссию – судя по заметкам антрополога, хранившимся в компьютерной памяти, его подход к тазинто казался слишком жестким и безапелляционным.

Дед продолжал ворчать, то понося коварство плешаков, то напоминая, что люди мы, конечно, мирные, но аннигилятор наш не заржавел, броня крепка и крейсера летают быстро. Под его ментальный шепот Ивар размышлял сразу о нескольких вещах: о зеленоглазой красавице Ифте Кии, что делала карьеру на горбу Иутина, о суровой и недружелюбной жрице Найе Акра и таинственных занятиях генетика Третьей Глубины, в чью лабораторию он еще не заглядывал. Так или иначе мысли его касались женщин, ибо к ним он был неравнодушен. Впрочем, имелся у этой склонности практический оттенок: о женщинах далеких, вроде оставшихся на Осиере или о связистке Кристе Ольсен, он вспоминал с теплотой, но планов на их счет не строил, предпочитая размышлять о тех, что ближе. На что они способны и на что годны? Не только в постели; существовало множество путей для получения информации, но, как подсказывал опыт общения с гуманоидами, женщины были самым коротким, верным и приятным.

Навстречу попался служитель в рабочей одежде сайтени, похожей на шорты с майкой. Бледная кожа, серые глаза, тонкие губы, вытянутый безволосый череп... Он прижался к стене и глубоко присел, стараясь не встречаться взглядом с Тревельяном.

- Кажется, я тебя знаю, – промолвил тот. – Ты Зотахи?
- Достойный ошибается. Мое имя Шиар. Я тоже техник систем жизнеобеспечения.
- Где выход в парк, Шиар? Помнится, там стоял Йездан с закрытой Книгой.
- Достойному надо пройти еще немного. В ту сторону, ньюри.

Он показал, вытянув длинную мускулистую руку и по-прежнему не глядя на Тревельяна. Ивар тоже отвел взгляд, вспомнив изречение Йездана Сероокого: нельзя долго смотреть в глаза слугам, детям и животным – это их пугает.

- Благодарю, Шиар.
- Ньюри слишком добр, – прошелестело в ответ.

Через пару минут, обнаружив нужную световую картину, Тревельян очутился в хаосе камней и невысоких утесов, что имитировали горный пейзаж. Дорожка вскоре вывела его к лесной опушке; теперь справа высились деревья с темными и светлыми стволами, похожие на дубы и березы, а слева тянулся в бесконечность голограммы заросший травами луг. Изображение солнца на голубом иллюзорном небе клонилось к закату, двигались в вышине фантомы туч, закрывая по временам светило, и тогда на лес, поле и камни набегала тень.

Встреча с Шиаром подтолкнула раздумья Тревельяна в новом направлении. Экспедицию возглавлял *похарас*; таково было пожелание ФРИК, удовлетворенное научным отделом Хорады. *Похарас* не воевали с Землей и даже поддерживали с Федерацией дипломатические связи, так что просьба Фонда являлась вполне уместной. Руководитель из клана *ни* тут не подходил – это могло вызвать напряжение между земными специалистами и кнй'лина, совершенно лишнее в столь масштабном и сложном проекте. В остальном комплектование штата экспедиции было на совести Хорады. Теперь Тревельян знал, что в нее включили пятерых *ни*, четверых *похарас* и Иутина, который, видимо, являлся креатурой достойного Джеба Ро; таким образом, баланс был соблюден, и ни один из кланов не терпел ущерба чести. Но слуги-то все относились к *ни*! А ведь на них лежала ответственная роль технического персонала! Они корректировали движение станции, следили за агрегатами жизненного цикла, готовили транспорт и оборудование для планетарных исследований и занимались прочими делами, от коих зависел комфорт достойных, не говоря уж о самом их существовании. Конечно, станция была автоматизирована и, по большому счету, не нуждалась в помощи

со стороны людей, но высших кнй'лина всегда и всюду сопровождали слуги. Их функции были много обширнее, чем у земных кухарок и дворецких, горничных, прачек, шоферов, которых тысячелетие назад сменили киберы; слуги клана являлись его работниками, солдатами и силой, производившей новые поколения солдат и работников. Лишь малая их часть была собственно слугами, прослойкой между знатью и миллиардными массами, что населяли десятки планет.

Избранные служители, и только из клана *ни*... Но почему? Может, слуги *ни* надежней, чем *похарас*? Либо, по неведомой причине, их нельзя сводить друг с другом? Либо Зотахи, Шиар и остальные – что-то вроде компенсации, гирьки на весах баланса – ведь руководитель экспедиции – *похарас*? Десять слуг, чтобы уравновесить Первого Лезвия с Джебом Ро... Не многовато ли?

– Стой! Ты в моем коно, мшак!

Хлопок в ладоши и резкий окрик заставили Тревельяна очнуться. Он замер на половине шага, потом быстро отступил назад. Иллюзорное солнце, выглянув из-за туч-миражей, освещало тонкую высокую фигуру Третьей Глубины. Видимо, она прогуливалась в парке; облегающий комбинезон-сайгор, сменивший парадную одежду, подчеркивал ее изящное телосложение, длинные ноги, полные груди и гибкую талию, лицо еще хранило отблеск безмятежности, но серые глаза пылали гневом. Не очаровательна, как Ифта Кии, решил Тревельян, но безусловно хороша. Красота охотящейся львицы или, возможно, змеи... Был ли он дичью или жертвой? Не исключено! Он заметил в ее кулаке стерженек парализатора и отодвинулся подальше.

– Прости, ньюри, я задумался и не заметил тебя.

– Меня можно не заметить?

Похоже, она была оскорблена. Стараясь исправить оплошность, Тревельян одарил ее самой обольстительной из своих улыбок, присел и вытянул руки жестом мольбы.

– Мы, земляне, так романтичны и мечтательны... Особенно в том, что касается женщин. Увидев тебя во время трапезы, я был потрясен твоей красотой и...

Ярость в ее глазах сменилась подозрением. Прервав Тревельяна, она сказала:

– Значит, потрясен? Хочешь преподнести мне апаш вместо пактари? Я ведь видела, как ты глядел на Ифту Кии, эту маленькую дрянь!

Апаш и пактари были блюдами местной кухни: апаш – фрукты под сладким соусом, а пактари – под кислым. В полной мере осознав идиому, Тревельян произнес:

– Не прими за обиду, ньюри, но я вас сравнивал. Она, конечно, очень хороша, но сравнение было не в ее пользу. В женщине важна не только внешность, но также ум и темперамент, одухотворенность и внутренняя сила – словом, интеллект, который обрамляет красоту и делает ее неотразимой. Так что не обижайся, прекрасная, что я был рассеян и не заметил тебя – ты явилась мне в грезах, вытеснив другие мысли.

Щеки Третьей Глубины порозовели, взгляд смягчился. «Ловок ты баб охмурять», – с одобрением заметил командор. «Не уверен, что с этой получится, – мысленно отозвался Тревельян. – Крепкий орешек!»

Инстинкт подсказывал ему, что зерна брошены и торопить события не стоит. Парализатор, который Третья Глубина сжимала в кулаке, куда-то исчез, напряжение развеялось, и глядела она на него почти благосклонно. Примерно так же, как смотрит хозяйка на пушистого котенка.

– Ты забавный, мшак... – Голос Третьей Глубины обрел игривую музыкальность. – Ты грезишь обо мне... Что ж, это я могу позволить. Мужчин, достойных моего внимания, здесь нет, и если бы ты был не таким волосатым...

– Это поправимо, – быстро промолвил Тревельян. – Земная медицина, знаешь ли, творит чудеса: одна крохотная капсула, и я буду лысым, как колено.

– Надеюсь, что на твоих коленях шерсть не растет, – молвила Третья Глубина и, вздернув подбородок, гордо проследовала мимо.

«Ведьма», – прокомментировал командор.

«На тебя не угодишь, – сказал про себя Тревелиян. – Эта – ведьма, Найя Акра – стерва... Ифта Кии тоже тебе не показалась?»

«Сексуально озабоченная шлюха».

«Почему ты так решил?»

«У нее, похоже, имплант. Мои возможности к сканированию ограничены, но в этом я уверен. Очень странная штукавина. Тормозит выделение половых гормонов».

– Вот как! – произнес Тревелиян вслух, приподняв в удивлении брови. Затем, подумав, добавил: – Выходит, у нас в наличии стерва, шлюха и ведьма... Ну, тогда я предпочел бы последний вариант.

Он миновал парковую зону и вышел в коридор земной секции. Маленький кибер-уборщик шмыгнул из-под ног испуганной мышью и скрылся в нише под стеной. Световых картин здесь было гораздо меньше, и изображали они не Йездана Сероокого, а различные сайкатские пейзажи: водопад, что рушится с высокой скалы, берег моря с живописными валунами, поросший лесом холм, темный зев пещеры, у которой сгрудились троглодиты терре. Они были менее крупными, чем тазинто, сухими, жилистыми, очень быстрыми в движениях, покрытыми светло-коричневой, серой или бурой шерстью. Их почти безволосые личики поворачивались вслед Тревелияну, будто изображенные на картине существа следили за ним с нескрываемым любопытством.

«Она тебе реверанса не сделала, не пожелала утренней радости и назвала „мшак“, – внезапно напомнил командор. – Что это значит?»

– Ничего хорошего, – сказал Тревелиян, перешагнув порог своих апартаментов. – Нам продемонстрировали презрение и намекнули, что у волосатых шансов нет. Правда, не запретили грезить... – Он опустился на диван у столика с компьютером и произнес: – Активировать словарь. Поиск: слово «мшак». Возможно, диалект клана *ни* или сленговое выражение.

– Мшак, – раздался бесстрастный компьютерный голос. – Мелкий хищник-трупоед, обитающий в лесах Йездана. Отличается обильным волосатым покровом, тягой к пожиранию отбросов и гнилья, а также мерзким запахом. Ближайшие земные аналоги – шакал и койот. В переносном смысле используется у кни'лина для обозначения представителей земной расы.

«Хорошо тебя плешачка приласкала, – сказал командор и хихикнул. – Дальше некуда!»

– Для тебя, дед, что женская душа, что корабельная каптерка – все едино: темно и плесень по углам, – отпарировал Тревелиян. – А в отношениях с женщиной важны нюансы. Ругает? Ну, пусть... Сегодня ты мшак, а завтра – благородный барс и сизый голубь.

«Смотри, голубок, чтобы на вертел не попасть», – предупредил Советник и замолк.

Усмехнувшись, Ивар сбросил парадные одежды, сел к компьютеру и погрузился в работу.

* * *

Сайкат был обнаружен почти одновременно фрегатом-разведчиком Звездного Флота и экспедиционным кораблем *похарас*. Обе расы, земляне и кни'лина, вели целенаправленный поиск в окрестностях желтых звезд, пытаясь найти пригодные для заселения планеты. Мир с кислородной атмосферой, с обильной водной средой и приемлемым климатом, биоценозом и гравитацией являлся огромной ценностью, так как подходил для гуманоидов и прочих рас вроде дроми, лльяно, парапимов. Пожалуй, только лоона эо, переселившиеся в заатмосферные города, и космические странники сильмарри не нуждались в подобных

мирах, став обитателями Великой Пустоты. В принципе, любую планету подходящей массы можно было приспособить для жизни гуманоидов, отвести излишек тепла или, наоборот, обогреть искусственными солнцами, преобразовать атмосферу, перепланировать материки и даже передвинуть небесное тело на другую орбиту. Но операции по терраформированию стоили недешево и занимали изрядный срок, так что гостеприимный Сайкат, пригодный для землян и кни'лина, был поистине драгоценной находкой.

Из-за него возникли споры – впрочем, быстро угасшие. Земной отряд высадился на юго-западном материке, кни'лина приземлились на юго-восточном, в землях, где не было разумных тварей. Биологи, однако, утверждали, что флора и фауна Сайката подобны земному антропогену.¹⁴ и, значит, здесь должны быть протогоминиды. Вскоре их обнаружили полевые группы, отправленные на северный континент, и оказалось, что Сайкат, как и Земля в далеком прошлом, стал колыбелью двух разумных рас. Терре, невысоких и тощих пещерных жителей, можно было уподобить неандертальцам; несмотря на обильный волосистой покров, они по многим признакам стояли выше земных питекантропов и австралопитеков¹⁵ Более крупные тазинто безусловно относились к кроманьонцам и на всех законных основаниях могли считаться предками будущей сайкатской расы.

Такое открытие поставило крест на планах заселения Сайката и возникших в связи с этим спорах, что было воспринято всеми с облегчением – и Земной Федерацией, и имперским советом *похарас*, и технократами *ни*. Кни'лина отступили без ущерба для гордости, ибо отступилась и Земля – согласно мнению галактических рас, миры, породившие разум, колонизации не подлежали. Мнение не имело характер договора или, тем более, закона, не подкреплялось военной силой или экономическими санкциями, но было мерилom цивилизованности той или иной культуры, определяя ее позицию в негласной табели о рангах. В эпоху мира, пришедшую на смену войнам, битвам и пограничным столкновениям, ценились не только мощь аннигиляторов и боевых флотов, но также взаимное доверие и соблюдение определенного пиетета. Пожалуй, даже бесцеремонные дромии, размножавшиеся как кролики, не рискнули бы захватить планету с примитивным населением.

Считалось, что в таких мирах нельзя вести разработки полезных ископаемых, строить заводы, распаивать землю, закладывая поселения и даже использовать планету в качестве курорта или охотничьего заповедника. Любой, даже самый щадящий вариант через тысячу-другую лет приводил к тому, что автохтоны, достигнув технологической стадии, получали объедки собственного мира: земли, потерявшие плодородие, иссякшие источники сырья, загрязненные воды и скудную фауну. Но непрерывный мониторинг и научные исследования не были под запретом. Считалось хорошим тоном проводить их с орбитальной базы или с рабочей площадки на удаленном острове, содействуя туземному прогрессу точно рассчитанными эстапами, подбрасывая полезные идеи и механизмы, облегчающие труд. Впрочем, аборигенам Сайката, в силу их примитивности, ни механизмы, ни идеи были пока не нужны.

С ними, однако, возникла проблема посерьезней. Не оставалось сомнений, что на Сайкате все пойдет по земному сценарию, то есть в ближайшее тысячелетие кроманьонцы-тазинто выбьют под корень неандертальцев-терре. Этот процесс уже начался и шел весьма активно; по оценке Первого Лезвия, антрополога, численность тазинто составляла миллионов шесть, а терре – на порядок меньше. Формой северный материк походил на жирную запятую с длинным, вытянутым в широтном направлении «хвостом» – гористым полуостровом длиной в семь тысяч километров, – и сюда тазинто вытеснили терре. Теперь племена более жизнеспособной и агрессивной расы двигались вдоль полуострова, уничтожая

¹⁴ На Земле в данный момент длится четвертичный период кайнозойской эры, сменивший третичный и начавшийся примерно два миллиона лет назад. Это период становления человека, поэтому его обычно называют антропогеном.

¹⁵ Австралопитеки, питекантропы – обезьянолюди, предшествующие появлению неандертальцев.

пещерных жителей. Эта миграция была неспешной, сроки ее прослеживались по костям, лежавшим на местах побоищ, и Джеб Ро со Вторым Курсом, занимавшиеся раскопками, полагали, что лет пятьсот-семьсот terre еще протянут. Но не больше; они находились в ловушке между вод морских и не имели ни плотов, ни пирог – ничего, кроме кремневых копалок, рубил, дротиков и плетеных из прутьев корзин.

В галактической Ойкумене Сайкат являлся единственным миром примитивных гоминидов, где старшие братья по разуму могли наблюдать, как эволюция перемалывает слабейших, вычеркивая из планетарной биосферы целый вид, который скоро станет ископаемым. Подобная коллизия не волновала дроми, льяно или, например, лоона эо, произошедших не от обезьян и к гуманоидам не относящихся; разбираться с нею, как ближайшим родичам, полагалось инопланетным кузенам. Таких в Галактике тоже хватало, но, по праву первооткрывателей, судьбу Сайката вершили люди и кни'лина.

Смириться с исторической неизбежностью, оставить все, как есть? Это было бы слишком неинтересно, даже унинительно для созданий, способных погружаться в Лимб, странствовать среди туманностей и звезд и изменять планеты, подгоняя их под жизненный стандарт разумных гуманоидов. Итак, в необходимости вмешательства никто не сомневался; речь шла лишь о том, каким конкретно оно будет, кому излучатели СИС поднимут интеллект, а кому убавят прыти.

Можно было подстегнуть эволюцию terre и притормозить прогресс тазинто, установив тем самым паритет: ум и хитрость против многолюдства и жестокости. Не исключался вариант с переселением всех или части terre на юго-западный материк, где бы они развивались под патронажем сайкатской станции, овладевая искусством защиты от кровожадных соседей. Очень перспективным был бы рост популяции terre, ускоренный стимулирующими средствами, и замедление воспроизводства тазинто, дабы сдерживать их силу количеством соперников. Воздействие на тектонические процессы позволило бы расщепить полуостров широким проливом и отделить его от континента, одновременно создав цепочки островов, ведущих к юго-восточному материку, что изменило бы пути миграции тазинто. Наконец, радикальное вмешательство в физиологию и ментальные процессы могли отвлечь их от пожирания мясного и сделать нравы более мирными. Этот проект разработал Первый Лезвие, но Ивар сомневался в успехе: вегетарианцы кни'лина были весьма воинственны.

Вся эта информация была Тревельяну известна, но в общих чертах. Сейчас он углублялся в детали; предполагалось, что записи инопланетных коллег и собственные его наблюдения послужат основой для доклада Фонду, готовившему комплексную экспедицию. Он являлся лакмусовой бумажкой, брошенной в неведомый раствор, и должен был определить позицию кни'лина: какие идеи возникли у них, к какому решению они склонялись и как их выводы согласуются с намерениями Фонда. Но чем дальше он углублялся в ворох отчетов, видеозаписей, карт с путями миграций и статистических таблиц, тем делалось яснее, что единого мнения у кни'лина нет. Больше того, он ощущал, что между ними идет некое внутреннее противоборство, вызванное, вероятно, конкуренцией кланов и их лидеров. Первый Лезвие был сторонником жестких мер относительно тазинто – как минимум, сокращения их численности и изоляции в восточной части северного материка. Его поддерживали Второй Курс, биолог, и Третья Глубина, суть работ которой сохранялась в тайне. Другую коалицию, включавшую Зенда Уна и Найю Акра, возглавлял Джеб Ро; они полагали, что тазинто надо оставить в покое и работать с terre, переселив их на юго-западный материк и интенсивно прогрессируя в течение ближайшего столетия. Для этого координатором был разработан план, включавший знакомство с огнем, строительство хижин, одомашнивание двух видов травоядных, способных давать шерсть и молоко, и разбивку плантаций мясного гриба, происходившего с Йездана, чтобы восполнить недостаток белков в рационе terre.

Остальные члены экспедиции явно уклонялись от участия в спорах: красавица Ифта Кии – в силу своей некомпетентности, Четвертый Пилот вообще не относился к специалистам по генетике и биологии, а Пятый Вечерний дальше своей ботаники носа не совал. Что касается Иутина, то этой рабочей лошадке собственного мнения иметь не полагалось.

В последующие дни, что остались до полета на планету, Тревельян провел в своем отсеке, вновь и вновь изучая записи коллег, хранившиеся в памяти искусственного интеллекта. Здесь были заметки Зенда Уна о языках и системе знаков terre и тазинто, результаты антропологических исследований, произведенных Первым Лезвием и Вторым Курсом, подробный ботанический атлас, составленный Пятым Вечерним – с указанием, какие животные обитают в том или ином краю, солидный меморандум Найи Акра о психологических особенностях обеих рас, богато иллюстрированный журнал раскопок, которые палеонтолог Джеб Ро осуществил в различных областях Сайката, даже на прибрежном шельфе, и большой доклад генетиков, подписанный Ифтой Кии и Иутином. Лишь одного не нашлось среди этого изобилия: отчета первого генетика Третьей Глубины.

Нужно признать, что вопрос о взаимоотношениях двух крупных и десятков мелких кланов изучен недостаточно. Большей частью мелкие кланы являются верными вассалами *ни* и *похарас*, следующими в кильватере их политики и безропотно снабжающих работниками старших партнеров. Вполне понятным является исчезновение нескольких мелких кланов, генетически близких к крупным и растворившихся в их среде (нам известно о поглощении клана *тудонга* кланом *ни*, но, очевидно, были и другие подобные случаи). Однако временами мы улавливаем отголоски более бурных событий. Война, проигранная *ни*, нарушила стабильность в обществе *кни*'лина и привела к активизации центробежных процессов, о результате которых остается лишь догадываться. Из того, что *ни* и *похарас* удержали власть, следует, что с диссидентами расправились. Но насколько жестокой была та расправа? И кто подвергся ей? Мы не имеем ответа на эти вопросы.

П.Федоров, А.Георгадзе.

«Кланы *кни*'лина. Пример искусственной эволюции»

Интермедия 1 Ненавидящий

Его тайное имя было Алемут, что на древнем, почти позабытом языке кни'лина означало «Ненавидящий». Ненависть являлась смыслом и целью его существования, как и у всех, кто входил в Первую Луну, организацию настолько скрытную, что Тень Ареопага и агенты технократов о ней не подозревали. Они боялись клана *валлс*, чьи невидимые руки могли дотянуться до любого горла, даже императорского. У других мелких кланов, если не считать *сайили* и *конно*, утерянная воля к сопротивлению трансформировалась в легенды и мифы, герои которых, великие воины и мудрецы, обретали награду за верность, породнившись со знатыми *похарас* или *ни*. Лживые сказки! *Ни* и *похарас* нуждались не в героях, а в слугах, большей частью в солдатах – особенно в периоды войн с Землей.

Временами судьба этой безропотной мелкоты печалила Алемута. Печалила, и только, ибо его клан к ним не относился. Собственно, клан этот не был кланом, так как не имел ни лидера, ни правящей верхушки, ни представительства в Хораде или каких-то прочных связей с *ни* или *похарас*. Не клан, а просто общность людей, объединенных древней кровью, чьи предки выстояли в век ужаса и бедствий, выстояли и спаслись. Возможно, это было чудом, какие являет Йездан – недаром же он сказал в священной Книге Начала и Конца: нет бури, которая ломает все деревья. И еще сказал: зверь всегда рядом с вами.

Зверь пробуждался при воспоминании о Чанре Ита. В такие моменты Алемут был готов взять ритуальный клинок и вырезать печень у всех *похарас*, *ни* и их клеветов. Сдерживала только мысль о его миссии, о братьях и сестрах из Первой Луны, доверившихся его уму и терпению.

Первая Луна, о которой не ведали имперские службы, шпионы *ни* и Очи Хорады с их палустарами, являлась тайным и мощным оружием. Другие кланы такого не имели, и потому Йездан прописал их судьбу самым мрачным из пророчеств Книги: жизнь их – как смех полоумного в пустоте. Клан *пнирра* и *тадиг*, близкие к *похарас*, были поглощены и стерты из памяти расы; *ни* поглотили клан *тудонга*, а *хитт* и *ахаоно* были обескровлены в войне с землянами. *Валлс* надеялись, что поражение *ни* позволит отделиться от метрополии, но их мятеж обернулся кровавым дождем, а спустя десятилетие Хорада объявила, что такого клана нет и не было. Ненадежных *сайилипохарас* отправили на астероидный пояс Кагиры Зенты, где они пребывают до сих пор и, прожив три века в невесомости, стали похожими на пауков. *Конно* подвергли генетической трансформации, вырастив им шерсть на голове и спине; теперь они не больше люди, чем земляне-мшаки. После этого устремились все, кроме *валлс*, но и они ушли в вечерний цвет¹⁶ и спрятались в нем, как прах сожженных в погребальных кувшинах.

У Алемута имелось множество причин для ненависти, и он делил их на мелкие и крупные. С мелкими можно было бы жить, смирившись и став слугой какого-то клана, даже выбиться в достойные, что при его талантах отнюдь не исключалось. Но кровь, стоявшая между ним и знатыми, не позволяла позабыть о мести. *Валлс* тоже о ней помнили – временами их рука, протянувшись из пустоты и забвения, вдруг наносила внезапный удар, намекая, что время Второй Луны¹⁷ еще не закончилось.

¹⁶ Уйти в вечерний цвет – непереводимая игра слов. С одной стороны, это означает раствориться в темноте, то есть уйти в подполье. С другой стороны, вечерний цвет – синий, траурный, и уйти в него значит умереть или уподобиться праху покойного.

¹⁷ У Йездана, материнского мира кни'лина, был один естественный спутник, затем планета захватила Вторую Луну, что привело к глобальным катаклизмам. С этими обстоятельствами связана определенная символика: время Первой Луны

Для Алемута поводом к смертельной ненависти была гибель Чанры Ита и их нерожденного ребенка. Представители его клана были способны давать потомство и с *ни*, и с *похарас* – факт, который свидетельствовал об их приоритете, их преимуществе над измененными в период пандемий и катастроф. По сути, они являлись тем катализатором, который с течением лет способствовал бы растворению всех кланов, сделав расу монолитной и единой, как в далеком прошлом. *Похарас* и *ни* считали это прямой угрозой для своего владычества. Поэтому наказанием за межклановую связь были бессрочные рудники Кагиры Зенты, Тунибы или Ортахароса, а если женщина носила плод – ее уничтожение с развеиванием праха. Чанру Ита сожгли у него на глазах из бластеров. Сожгли слуги *ни* и *похарас*, но знатные тоже были там и следили, чтобы не осталось ни частички плоти, пригодной для клонирования. Сожгли в горах Зумрайи, где он и Чанра Ита, гонимые ужасом, пытались скрыться...

Зумрайя, родной мир... Для всякого, кто не считался *похарас* и *ни*, родиться там было большой удачей. Планета с тысячелетней историей: *ни* отыскивали ее, терраформировали и заселили, но, после завершения пейзажных работ и прокладки дорог, служители, трудившиеся на Зумрайе, были высланы. Остались только знатные *ни* и ближние слуги, миллионов пять или шесть в благодатном мире с тремя материками и теплыми морями. Места оказалось много, и *похарас* из сословия аристократов выкупили часть земель – с тем условием, что планета останется под властью *ни*. С *похарас* явились их слуги из малых кланов, но и с ними население Зумрайи было небольшим. Мир зеленых лесов и бескрайних степей, прозрачных вод и вечно ясного неба... Мир для избранных, для тех, кто пожелал удалиться от суеты промышленных планет и грохота мегаполисов... Мир, где благоденствовали даже слуги, и от того им казалось, что они почти равны достойным...

Чанра Ита была из них, из достойных *похарас*. Странная девушка, не признающая обычаев, одна из тех, о ком Йездан сказал: редки люди утренней радости. Редки и уязвимы, мог бы добавить Алемут, ибо правят ими чувства, а не разум. Самые же сильные из чувств – любовь и плотская страсть, которые особенно неодолимы, когда приходят на заре жизни, соединяя молодых, восторженных, наивных и неопытных. Откуда было им знать, к чему приведут их встречи в лесу, объятия на ложе из цветов и трав и нежные слова, так тихо сказанные, что их не слышал даже ветер? Откуда им знать? Он, Алемут, не относился к ближним кланам, дававшим потомство с *похарас*, и у любви их не могло быть продолжения.

Они ошибались. Цена этой ошибки – сожженное тело Чанры Ита и восемь лет на рудниках. Там бы он и остался и умер в проклятых горах Ортахароса, если бы не братья из Первой Луны. Вытащили из шахты, подстроив мнимую гибель, увезли на Кхайру, обучили, сделали достойным и даровали новую жизнь и новую судьбу... От прошлого остался только пепел – серая пыль, развеянная по ветрам Зумрайи.

Пепел и ненависть.

Ненависть питала чувство долга. Долги были разными; долг перед Первой Луной мог быть измерен, взвешен и оплачен, но перед Чанрой Ита – никогда. Долг перед мертвым вечен, говорил Йездан, и это являлось истиной: как заплатишь долг тому, кто превратился в прах и даже лишен погребального кувшина? Кровь сотен *похарас* и *ни* не могла считаться платой, хотя убийцы-*валлс* думали иначе. Сам он понимал, что истребить большие кланы невозможно – уже по той причине, что это поставило бы расу на грань выживания. В Первой Луне об этом знали и делали ставку на иные варианты развития событий. Не всеобщее уничтожение преобразованных, а единичные, но точные удары... не попытка силой вырвать власть, а ее компрометация... не бунт и резня, а посев из зерен недоверия... Тайная инфор-

мационная война, провалы власти, ее просчеты, поражения, рухнувшие проекты – особенно с участием чужих... Долгие, медленные, терпеливые усилия...

За горами – горы, сказал Йездан.

Психология кни'лина отличается от человеческой тем, что отношения между ними более скрыты, более завуалированы, чем между людьми. Будучи их гостем и наблюдая их в естественной среде, я убедился, что самая свирепая ненависть и самая страстная любовь, не говоря уж о симпатии, неприязни или недоверии, не выставляются напоказ. Это нельзя считать лицемерием или фарисейством, хотя приговор обычного человека с нормальной психикой был бы именно таким. Специалисты, однако, знают, что сокрытие истинных чувств есть инстинкт расы, представители которой отличаются таким крайним индивидуализмом, что лишний шаг в их сторону расценивается как оскорбление.

Чезаре Биано.

«Пять дней в Посольском Куполе кни'лина».

Глава 4

Северный материк

Большая четырехместная капсула пронзила слой бело-розовых облаков, неторопливо плывущих над горами к океану. Горный хребет тянулся во всю длину полуострова-«хвоста», разделяя его на южную и северную приморские равнины. Горы были высокими, до пяти километров, но ни льда, ни обнаженных каменных поверхностей Тревельян не заметил – от подножия до вершины хребет покрывала растительность. Влажные джунгли равнин сменялись в предгорьях лиственными лесами фролла, похожего на дуб, выше росли хвойные десятков пород – толстые высокие деревья на середине склонов, а ближе к вершинам – травы, мхи и корявый кустарник, впившийся в скалы крепкими корнями. С высоты было заметно, что у сайкатского леса голубоватый оттенок, словно океаны, южный и северный, протянули над ковром зеленой листвы синюю прозрачную вуаль.

Аппарат пилотировал Второй Курс. Бледное невыразительное лицо биолога под навигационным шлемом казалось сонным, будто, отвалив от станции, он задремал на секунду и так, в полусне, намеревался приземлить машину у базового лагеря. Но координатор, сидевший впереди, был спокоен – видимо, в качестве пилота Второй Курс пользовался абсолютным доверием. Иутин и Тревельян расположились во втором ряду, у грузового отсека, каждый под своим иллюминатором. Капсула была заметно шире малых земных кораблей, «уток», ботов и челноков – сиденья левого и правого бортов разделялись двухметровым проходом. Возможно, в рубках и башнях боевых крейсеров кнй'лина сидели теснее, но на гражданских судах неприкосновенность личной территории соблюдалась строго.

«Все вместе и каждый сам по себе», – подумал Тревельян, переводя взгляд на южную приморскую равнину и предгорья. Из речи Зенда Уна на банкете и просмотренных файлов он представлял ситуацию вблизи лагеря. К востоку, на полторы тысячи километров, полуостров занимали тазинто, около полусотни кочевых охотничьих племен. Место было благодатное: ширина от моря до моря втрое больше, чем «сапожок» Италии, горы хоть и высокие, но доступные, полные дичи и кремня для поделок, на равнинах множество ручьев и рек и опять же изобилие животных. К западу полуостров сужался и уходил в океанские воды еще на пять с лишним тысяч километров. Горы тут были повыше, равнины засушливей, но в общем и целом плодов и кореньев, основы питания терре, вполне хватало, как и площади для обитания – пятая часть Европы для полумиллиона троглодитов. Но миграция тазинто в западный край длилась год за годом, и рубеж между расами – само собой, размытый и не очень четкий, – был сейчас в районе базового лагеря.

Капсула неторопливо снижалась, планируя под облаками. Джеб Ро повернул голову, продемонстрировав Тревельяну свой благородный профиль.

– Лагерь разбит на возвышенности и окружен силовой завесой, – произнес он. – Чтобы ее миновать, нужен связной браслет.

– Я получил его, достойный. У Первого Лезвия.

– Хорошо. Окрестность патрулируют автономные киберразведчики, имеющие форму птиц. Защита не входит в их функции, только наблюдение, поэтому будь осторожен. Тазинто агрессивны и сильны.

– Я сумею себя защитить, ньюри, – сказал Тревельян.

– Мы предпочитаем не убивать туземцев без большой нужды. Мы не пользуемся лазерными хлыстами и даже парализаторами, только усыпляющим газом.

– У меня нет ни хлыста, ни парализатора. И я постараюсь никого не убить.

– Устройство для создания фантомов... не знаю, как вы его называете... Такой прибор у тебя есть?

– Да, ньюри.

– Защищайся с его помощью. Этого обычно хватает, но сейчас тазинто возбуждены.

– Почему?

– Иутин, – произнес Джеб Ро, прикрыв глаза и явно утомившись беседой. – Объясни, Иутин.

Их аппарат летел над прибрежной равниной в сторону хребта. Горы вытягивали к морю пологие отроги, словно растопыренные когтистые пальцы драконьих лап. Впереди маячили двузубая вершина в голубовато-зеленой шапке растительности и розовое облако, висевшее над ней.

– Киберы-наблюдатели следят за миграцией племен тазинто и пещерными стойбищами терре, – сказал Иутин. – Тазинто, найдя обитаемую пещеру, всегда атакуют. Но не сразу, ньюри Ивар. У них уже появились магические ритуалы – свой ритуал и свое оружие для охоты на каждый вид животных. Для войны тоже есть особый ритуал, но к терре он не относится. Они считают терре не людьми, а опасными зверьми.

– И сейчас ожидается столкновение?

– Да. Дней через семь-восемь, и потому мы здесь. Будет много убитых, и я возьму генетический материал. Ньюри Джеб Ро и ньюри Второй Курс исследуют пещеру. Тазинто пещер не занимают и не хоронят своих погибших – бросают вместе с трупами терре хищникам. Но у терре другие обычаи: всех мертвецов они закапывают в стойбище, а их лица рисуют на стенах пещеры. Так что...

– Я понял, – сказал Тревельян. – Ты будешь искать признаки мутаций, а двое наших коллег вскроют культурный слой, исследуют скелеты и черепа и выяснят, как долго терре прожили в этом месте, была ли там одна популяция или несколько, и как менялось строение их тел. Это все?

Иутин отвел глаза.

– Нет... пожалуй, нет. Мы стараемся записать все детали схватки, чтобы провести потом анализ и корреляцию с другими подобными случаями. Прямые наблюдения тоже небесполезны. Это... это...

– ...возбуждает, – уточнил Джеб Ро. – Разгул примитивных страстей и инстинктов – зрелище редкое и потому любопытное.

Аппарат спускался к невысокому лесистому плоскогорью у подножия двузубой горы. Тут была поляна, окруженная темными стволами фроллов и неярким серебристым мерцанием защитных полей. В их кольцо высилось обширное строение, замаскированное кустарником и камнями под плоский холм с двумя-тремя широкими проемами на уровне почвы. Из холма торчала высокая мачта с параболической антенной, и над ней кружила большая, похожая на чайку птица.

– Вы не пытались предотвратить столкновения? – спросил Тревельян.

– Это было бы локальной мерой, не решающей проблему в целом, – с важным видом заметил Джеб Ро. – Я предпочитаю не распылять усилия. Ты считаешь иначе?

– Думаю, ты прав, ньюри.

– Тогда чем обусловлен твой вопрос?

– Жалостью, только жалостью, достойный.

– Это иррациональное чувство.

– Разве *похарас* его отвергают? Иррациональное лежит в основе любой религии, вашей и нашей. Йездан сказал...

Машина скользнула в один из проемов под холмом и приземлилась, прервав их диспут. Крышки люков сдвинулись, они вышли, очутившись в просторном пустом ангаре. Воздух

пах свежей зеленью, сквозь кроны фроллов просвечивало солнце, и снаружи доносились тысячи звуков: шелест листвы и скрип деревьев, попискивание птиц, свист, шипенье, уханье и далекий рев какого-то крупного зверя.

– Займитесь грузом, – приказал Джеб Ро и величественно удалился в глубь строения.

Распахнулись створки грузового отсека, четыре маленьких многоруких робота стали выносить контейнеры с оборудованием и продуктами. Иутин и Второй Курс руководили ими, распределяя привезенное в нишах и на полках. Ивар велел вытащить плоский ящик с летающим крылом на поляну, добавив к нему кое-какое снаряжение – нож, пищевые концентраты, очки и голокамеру. На кровле строения, рядом с антенной, появилась и начала вытягиваться вверх широкая труба. Из нее выпорхнули полдюжины птиц – видно, координатор решил запустить дополнительных разведчиков. Закончив с разгрузкой, Второй Курс ушел, буркнув, что проверит пищевой автомат. Иутин тоже исчез, отправился в свою лабораторию вместе с роботом, тащившим какой-то сложный механизм. Три остальных кибера замерли у капсулы, ожидая приказов Тревельяна.

Он достал двухлитровую флягу и осмотрел баллоны с соками, что выстроились у стены. Среди готовых смесей нашлись «три сестры» и «пять сестер» (они различались количеством ингредиентов), «бледная луна» и «дети астрала». Отведав понемногу каждого, он выбрал сок «астральный», похожий на грейпфрут, залил его во флягу и включил охлаждение. Затем, водрузив на голову обруч с Советником, вышел на поляну.

«Приятное место, – заметил командор, очнувшись от дремоты. – На Гондвану похоже. Помню, лечился я там лет пятьсот назад, когда „Свирепый“ попал в минное поле у Провала. Лежу я, значит, с перебитой ногой...»

Тревельян нахмурился.

– Погоди, дед. Прежде ты рассказывал, что «Свирепого» подбили кнй'лина, ты горел на мостике, и с переборок стекала обшивка. А еще...

«А еще – не перебивай, перхоть малохолная! – рявкнул командор. – Драчка с кнй'лина раньше была, а у Провала нас разнесло на гайки и болтики, еле до спаскапсул добрались! Так вот, валяюсь я с переломанной голенью, и вдруг подходит ко мне медичка, сама белобрысая, но красоты неопишуемой...»

– В другой раз доскажешь, – буркнул Ивар.

«В другой? Это ты зря! Та белобрысая мне третьей женою стала, и от нее твой род пошел. Твоя, значит, пра-пра...»

Тревельян угрюмо молчал, взирая на окружающую благодать: деревья в голубоватой дымке, порхающих разноцветных птичек и небо с бело-розовыми облаками. Вечерело. Солнечный диск висел за кронами фроллов, подсвечивая их оранжевым сиянием.

«Что такой мрачный?» – спросил дед.

– А с чего радоваться? В поле выехали, на природу – значит, надо костер разложить, шашлык зажарить, сесть плечом к плечу, песни попеть и sprysнуть событие. Священная программа... А тут все разбежались! Как-то не по-людски.

«Они не люди, и у них свои привычки, – напомнил командор. – С ними плечом к плечу не сядешь и песен под гитару не споешь. Вот на Осиере, там было веселей!»

– Веселей, – согласился Тревельян и повернул к зданию базы. Отужинав в компании трех молчаливых коллег, он переполз на четвереньках в свободную опочивальню, лег на циновку и закрыл глаза. И снился ему в эту ночь дремучий лес Осиера, рыжие языки костра и братья-рапсоды в блестящих доспехах, сидевшие тесным кругом, как и положено товарищам по оружию.

* * *

Утром, пока кни'лина спали, он разделся догола и натянул тонкую прозрачную пленку кожи. Она плотно охватила тело от шеи до пят, сжалась, принаравливаясь ко всем выпуклостям и впадинкам, потом слегка ослабла и сделалась невидимой и неосязаемой.

В контейнерах Тревельяна, перевезенных на станцию с «Адмирала Вентури» и проверенных Найей Акра, не было ни средств защиты, ни оружия, даже такого простого, как маломощный парализатор. Имелись, однако, другие предметы, которые, при искусном обращении, могли защищать и убивать не хуже, чем боевой скафандр с излучателем. Взять хотя бы нож – он не нуждался в заточке и позволял рассекал самую твердую древесину и кости. Медицинский имплант вырабатывал антитоксины и гормоны, защищавшие от ядов и ускорявшие реакцию. Искусственная кожа была биологическим стимулятором; взаимодействуя с имплантом, она увеличивала мышечную силу и, кроме того, ее внутренний субстрат поглощал все выделения организма. Не «скоб»,¹⁸ конечно, зато совсем незаметное устройство. У плоского ящика, где хранилось летающее крыло, тоже были свои секреты: сложишь конструкцию этак, получится планер, соберешь иначе – что-то совсем другое.

Пока «другое» не требовалось, так что Ивар, выйдя на поляну, занялся планером. Вскоре появился Иутин, пожелал утренней радости, но помощи не предложил – работать пришлось бы в слишком тесном контакте, нарушив границы коно. Закрепляя гибкие стержни на корпусе двигателя со встроенным гравигенератором, прилаживая сиденье и натягивая летательную перепонку, Тревельян поглядывал на облака. Их несло на северо-восток, и значит, сегодня он пролетит над территорией тазинто. Планер мог двигаться и против ветра, но скорость в этом случае была невелика, а примитивный компьютер, управлявший аппаратом, испытывал трудности при маневрировании.

– Похож на большую птицу, – сказал Иутин, осматривая наполовину собранную конструкцию.

– Будет в точности, как местный согго. Здесь есть фантомный голопроектор. – Тревельян коснулся сенсора на корпусе моторчика, и его аппарат превратился в орла с когтистыми лапами и трехметровым размахом крыльев. Кое в чем этот сайкатский пернатый хищник отличался от земных собратьев – шея была подлиннее, клюв прямой и над глазами росли хохолки из белых перьев, – но для маскировки он подходил идеально. Ни одна летающая тварь, как и большинство бегающих, связываться с согго не рискнула бы – даже с его изображением.

– Неплохо, клянусь Йезданом! – раздался властный голос. Джеб Ро, с кибером, тащившим циновку, возник в проеме входа. – Иллюзия хороша, однако я не понимаю, зачем тебе нужен этот аппарат?

– Для скрытных наблюдений с воздуха, – пояснил Тревельян, убрав фантом согго и продолжая монтировать планер.

Координатор уселся на развернутую роботом циновку.

– Не доверяешь собранным нами сведениям?

– Доверяю, ньюри, но обязан выполнять инструкции Фонда. Все по порядку: облет территорий, занятых аборигенами, определение размеров их популяций, выявление намерений, попытка вступить в контакт... Насколько мне помнится, прямого контакта с терре и тазинто у вас не было?

¹⁸ Скоб – скафандр-оболочка на жаргоне астронавтов. Обеспечивает носителю надежную защиту, имеет наружные искусственные мышцы, может служить средством транспорта, нападения и обороны. В отличие от боевого скафандра не предназначен для эксплуатации в вакууме.

– В этом нет необходимости! Вполне достаточно информации, собранной киберсредствами, – с надменным видом отрезал Джеб Ро. – Но ты, разумеется, свободен и можешь действовать по собственным правилам. Помни, однако, что сказал Йездан: нет свободы без закона.

Под законом Джеб Ро имел в виду свою власть координатора. До появления земной экспедиции с руководителем равного ранга эта власть была безраздельной и распространялась на Тревельяна.

Не прерывая работы, он молча кивнул и принялся закреплять у седла снаряжение – флягу с соком, голокамеру, трубки пищевого концентрата. Кроме фантомного проектора планера, у него был второй, спрятанный в наголовном обруче вместе с призранным Советником. При желании он мог предстать в облике терре, тазинто или хищника внушительной величины, даже пылающего огненного сгустка. Зверь, огонь, какое-нибудь инопланетное чудовище... Обычно этих иллюзий хватало, чтобы отпугнуть не слишком продвинутых гуманоидов.

Тревельян устроился в седле, обезвесил аппарат и включил голограмму. Странное зрелище со стороны: огромная птица с распахнутыми крыльями, застывшая в полуметре от голубоватых травяных метелок.

– Надеюсь, ты вернешься к вечерней трапезе, – сказал Джеб Ро.

– Постараюсь, ньюри.

Согго всплыл над поляной, поймал восходящий воздушный поток и ринулся вверх. Координатор проводил его взглядом.

– Эти мшаки мастера иллюзий: птица шевелит крыльями как живая.

– Да, ньюри, – кивнул Иутин. Он находился в позиции, предписанной зинто, в семи шагах от циновки достойного, и старался не глядеть на него.

Молчание. Птица поднялась к бело-розовому облаку и превратилась в темную черточку. Тогда Джеб Ро промолвил:

– Ты разглядел корабль, на котором привезли волосатого?

– Да, достойный.

– Что скажешь?

– Боевой крейсер, ньюри, очень мощный. У нас пока таких нет.

– А его название? Что оно означает?

– Имя их древнего героя. Я нашел его в файлах. Это был полководец, разгромивший некогда флот фаата. Они воевали с бино фаата, ньюри, и победили их. Очень давно.

– Я знаю. Еще воевали с дроми, с хапторами и с нами.

– Пусть достойный простит меня... Воевали не с нами, а с *ни*.

– И это было большой ошибкой их клана. Йездан сказал: настоящее бросает тень перед собой, но не каждый способен прочесть его знаки. *Ни* этого не умеют. – Джеб Ро вздохнул. – И что теперь? Теперь нам привозят мшака-ксенолога на боевом корабле... Уверен, в этом есть скрытый смысл. Хотят напомнить, кто проиграл последнюю войну.

После долгой паузы Иутин возразил:

– Не думаю, ньюри, что в этом оскорбление для нас. Не важно, как и на чем его привезли, важно, что он человек достойный, побывавший на многих мирах. Даже у хапторов на Харшабаим-Утарту.

Джеб Ро, не любивший, когда ему противоречат, насупился и буркнул:

– Не вижу тебя, зинто, и не слышу... – Потом сменил гнев на милость: – Если мшак отправится в стойбища дикарей, пойдешь с ним. Я должен знать, когда он вдохнет и что выдохнет. Каждое слово, Иутин, каждый жест! Ты понял?

– Да, ньюри.

– Нужно, чтобы он поддержал мой проект, а не Первого Лезвия. Мы, *похарас*, тоже ведем войну против мшаков, но делаем это умнее, чем *ни*. Войны выигрываются не только оружием.

– Прости своего глупого слугу... Так сказал Йездан?

– Нет. Это слова Тени Ареопага – той, что отбрасывает сам император. Ты удовлетворен?

В ангаре мелькнул силуэт Второго Курса. Биолог возился у шкафа со своим имуществом, что-то доставал, что-то перекладывал. Покосившись в его сторону, Иутин произнес:

– Если я пойду с земным ньюри, ты останешься один с этим вырожденком с Тоу. Благоприятно ли это?

– Не всякую пыль поднимет ветер. Я для него тяжеловат. К тому же, с чего ты взял, что он вырожден?

– Много пьет, мало ест.

– Пятый Вечерний тоже много пьет.

– Он с Кхайры. Там вырожденков не делают.

Джеб Ро скривился и махнул рукой. Мнение *зинто* было той пылью, которую разносит самый слабый ветер.

* * *

Гравигенератор создавал локальную зону невесомости, и устойчивый теплый ветер нес летающее крыло словно пушинку. Справа, за широкой полосой джунглей, прибрежными скалами и желтыми отмелями, голубел океан; волны бесшумно накатывались на песок, расшивали его пенным узором, шевелили длинные мокрые плети синеватых водорослей. Слева вставал хребет в щетине хвойных лесов, а под ним, в предгорьях, тянулись с холма на холм лиственные рощи, поляны, склоны, покрытые кустарником, ручьи и реки, разливавшиеся в низинах небольшими озерами. Местность была обитаемой: по берегам озер бродили большие черепахи и крупные твари, похожие на мохнатых свиней с широкими хвостами и лапами, предназначенными для гребли; в полях грудились стадами быки размером с носорога и более мелкие травоядные, кто на четырех ногах, кто, как земные кенгуру, на двух; под пологом леса тоже кипела жизнь, меж стволов и ветвей мелькали гибкие тени, кружился сонм ярко окрашенных птиц, и кто-то огромный, неуклюжий с ревом и треском ломился сквозь чащу. Временами попадались пернатые существа, похожие на чаек, то ли не поддельные, то ли киберы-наблюдатели, запущенные из лагеря; заметив, что пара из них вьется над лесной поляной, Тревельян подтянул стропы и направился туда.

Там, окруженные тройным кольцом высоких шалашей, пылали костры, и ветер разносил смрад крови, горелой плоти, пота и нечистот. У костров сушили голые тазинто, мелкие и покрупней, обжаривали на палках мясо, пробовали на вкус и тащили угощение на дальний край поляны к сидящим кучей молодцам. Эти – видимо, охотники – были в передниках из шкур и при оружии: копья, костяные мечи и утыканные кремнем дубинки свалены грудками в траве. Здесь же лежала туша крупного зверя, очевидно, быка – рогатая голова на колу, сквозь содранную шкуру белеют ребра, четыре ноги с массивными копытами торчат вверх. По временам один из пирующих вставал, подходил к туше и, запустив внутрь пятерню, выдирает кусок повкуснее. Лакомство передавалось мелкому; подгоняемый пинком, тот мчался к кострам готовить жаркое.

– Охота выдалась удачной, – пробормотал Тревельян, сдвигая на лоб очки-бинокль. И без них было ясно, что мелкота – дети и подростки, особи покрупнее – самки, а пирующие молодцы – brave охотники. Такие записи он видел на станции, среди собранных книжина материалов, так что ничего принципиально нового внизу на поляне не наблюдалось. Вот

только дух, которым тянуло от дикарей и куч фекалий под деревьями... Но к крепким запахам Тревельян был привычен и в стойкости к ним мог поспорить с древними ассенизаторами.

Он повесил планер над кроной фролла, превратив его в гнездо ядовитых шестиножек, потом отхлебнул из фляги и спустился вниз по канату. Лес в окрестностях стойбища был тих и гол, ни птиц, ни животных, кроме шепуршавших в палой листве жуков мерзкого вида. Эта тишина и витавшие в воздухе ароматы подтверждали, что тазинто находится здесь не первый день – возможно, месяц или больше.

Тревельян пощупал нож на поясе, активировал запись и включил свою голографию, превратившись в натурального дикаря: широкая смуглая рожа, мощные челюсти, крохотные глазки и грива нечесаных волос, что продолжалась на спине густым курчавым треугольником. Чресла его охватывал передник из шкуры маа, местного тигра, убить которого считалось подвигом. Чтобы полней соответствовать облику героя, он срезал толстый сук, положил на плечо и двинулся с этой дубинкой к стойбищу. Жуки, которых он давил башмаками, противно чавкали, аммиачный запах делался все гуще.

«Собираешься вступить в контакт?» – спросил командор.

– Так точно.

«Наверху гадючник, а тут, похоже, крысятник, – предупредил дед. – Крысы, они почище гадюк будут. Смотри, как бы задницу не отъели».

– Не тревожься, не в первый раз, – сказал Ивар, приближаясь к опушке. – Опять же не крысы они, а примитивные гоминиды с большой потенцией к развитию. Возможно, через сотню тысяч лет явятся они на Землю и будут рыться в заброшенных могилах, выясняя, где тут похоронен знаменитый Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев. Найдут, утащат в свой музей и табличку повесят.

«Не найдут, – буркнул командор. – Могут по кладбищам шарить хоть до посинения и выпадения прямой кишки, а не найдут! Мой прах сгорел в фотосфере Бетельгейзе. Что и тебе советую, если не хочешь скалиться голым черепом в чьей-нибудь витрине».

Пробравшись между фекальных масс и гниющих внутренностей, перемешанных с костями и клочьями шкур, Тревельян вступил на поляну. Визг женщин и тучи оранжевых мух сопровождали его появление. Он двинулся мимо хижин, отмечая убожество построек, грубую обработку валявшихся тут и там орудий, рубил и топоров, отсутствие выделанных кож, изделий из глины и каких-либо украшений, что собирают из перьев, ракушек или цветных камней. Теоретически тазинто доживали лет до сорока, но ни стариков, ни старух и вообще лиц преклонного возраста не наблюдалось. Для опытного специалиста эти детали говорили о многом. Древние антропогенные сообщества, близкие к дикой природе, обладали некой иерархией, моделировавшей стаи хищников в весьма разнообразных вариантах. Волки являли пример низшей ступени, ибо у них главенствовал сильнейший из самцов, молодняк дискриминировали, а дряхлых особей изгоняли, обрекая на голодную смерть. Гиены отличались более высоким уровнем организации: доминировала старшая самка, щенков кормили и оберегали, и статус особи определялся не силой и свирепостью, а возрастом. Судя по быстрой рекогносцировке Ивара, тазинто до гиен еще не доросли. Может быть, сравнение с волками тоже являлось для них комплиментом, и племя, как заметил командор, скорее походило на крысятник.

«Сколько их тут?» – мысленно поинтересовался Тревельян. Вторая сигнальная система у него была занята: он рычал, выл, скулил и помахивал дубинкой, делая миролюбивые жесты.

«Сто семнадцать самок и сотни полторы детенышей, – доложил Советник. – Байстрюков, что жрут говядину, тоже не меньше сотни. Кучей сидят, трудно пересчитать».

Пирующие гомонили и орали так, что ни воплей женщин, ни шагов Тревельяна, ни мирных его восклицаний слышно не было. Но вот один из охотников замер с раскрытым ртом, другой ткнул в сторону пришельца костью, и на поляне воцарилась тишина. Затем кто-то рявкнул: «Чужой!» – и в Ивара полетели камни.

От двух метательных снарядов он увернулся, пяток отразила кожа, но кремневый осколок с заточенным краем едва не раскроил ему череп. Хлынула кровь, заливая висок и правый глаз, медицинский имплант принялся за работу, а Тревельян, выбрав из метателей камней мерзавца покрупнее, ухватил его за волосы, вздернул вверх и грохнул с размаха о землю. Вряд ли он смог бы проделать этот фокус без кожи – весил тазинто побольше центнера да еще хватался за соседей. Их пришлось вразумлять дубиной, чем Ивар и занялся в ближайшие минуты – сдерживая мощь ударов, так что обошлось без переломанных рук и пробитых голов. Когда над десятком поверженных поднялся могучий самец, наверняка вожак, Тревельян опустил дубинку и снова вступил в переговоры.

– Чужой. Издалека. – Он ударил кулаком в грудь. – Не хочу убивать. Хочу есть. Хочу мяса.

В языке тазинто было восемь сотен слов, смысл которых уточнялся жестами, воем, ревом и рычанием. Просьба насчет еды звучала вполне мирно, и теперь все зависело от вожака. Он мог дать пришельцу почетный кусок мяса или обглоданную кость, мог оставить его в своей орде или вызвать на единоборство. Последняя мысль читалась в его маленьких злобных глазах и в том, как он поглядывал на грудку оружия, явно примериваясь к мечу. Копья, камни, топоры, дубины были у тазинто снаряжением охотников, но взявший меч превращался в воина. Власть над племенем решалась в схватке на мечах.

Вероятно, сноровка и сила пришельца смущали вождя. Он знал, что оставить в орде слишком сильного охотника нельзя – это будет угрозой его господству. Драки он не боялся, но понимал, что бой с таким соперником может завершиться не в его пользу или привести к тяжким увечьям. Пожалуй, стоило выяснить, что нужно чужаку – только лишь мясо или нечто большее.

Оторвав взгляд от оружия, вожак зевнул и принялся ковырять когтистым ногтем в зубах.

– Чужой – плохо. Чужой идти туда или туда, – он показал на север, в сторону гор, затем на юг, где лежала прибрежная равнина. – Здесь все мясо мое. – Новый жест, обозначающий ближние окрестности. – Хочу – дам, хочу – не дам.

«Пальцы гнет, авторитет поддерживает, крыса, – пробормотал командор. – Врежь ему, парень, по черепушке!»

Но Тревельян, имевший опыт общения с дикарями полудюжины миров, на эту провокацию не поддался. Дикари, в отличие от людей цивилизованных, задней мысли не держали – или сразу лезли в драку, или ретировались, но с полным соблюдением достоинства.

Он придавил ногой шею охотника, отведавшего дубины.

– Не хочу убивать. Никого не трогать, если дать хорошее мясо. Поесть и уйти. Туда, – он описал рукой широкий полукруг.

– Уйти и не вернуться? – уточнил вождь.

– Так. Уйти совсем. Может быть, туда. – Теперь Ивар вытянул руку на запад, к землям terre.

– Туда – нет! – отрезал вождь. – Там земляные черви. Моя добыча! Мои охотники про-ткнут их копьями и разобьют им дубинами кости.

– Добыча? – Тревельян, выказывая удивление, привстал на носках. – Ты их ешь?

Охотники, взиравшие на него кто со страхом, кто с недоверием и злобой, оживились. Жуткие гримасы на их лицах можно было счесть ухмылками.

– Гы! – прохрипел вожак. – Гы, гы, гы! Кто ест червей? Плохая пища! Корм для храхов!

О храхах Ивар не имел понятия, но убедился, что тазинто во всяком случае не каннибалы. Снова показав на запад, он спросил:

– Если земляные черви – не пища, зачем их убивать?

И тут вождь произнес целую речь, удивив Тревельяна по-настоящему.

– Мы – Люди! Я, Сломанный Меч – человек! – Он коснулся ладонью широкой груди. – На тебе шкура маа, а там – убитый нами бык, но бык и маа совсем не такие, как Люди. Земляные черви похожи на Людей, и это плохо, очень плохо. Должны быть только одни Люди! – Огромная пятерня снова стукнула о грудь. – Только одни, и всегда как всегда!

– Всегда как всегда, – повторил в изумлении Тревельян, не понимая значения сказанного. С этим нужно было разобраться. Растолкав охотников, он опустился на землю, отложил дубину и велел: – Принести мясо, хороший кусок. Будем есть и говорить, потом я уйти. Не к земляным червям, а туда, где высоко. – Он показал на горы.

Кусок ему притащили отменный, с бычьей ляжки. Обугленная плоть скрипела на зубах, но беседе это не мешало.

* * *

Поздним вечером, умытый и облаченный в свежий домашний хитон, Ивар сидел в трапезном зале полевого лагеря и жадно поглощал тушеные плоды шиншаллы в остром соусе. Трое его сотрапезников, расположившись на циновках поодаль друг от друга, ели с меньшим аппетитом; Второй Курс, биолог, можно сказать, совсем не ел, а только пил тинтахское и соки, которые подносили роботы. Беседа за едой не была у кни'лина дурным тоном, поэтому молчание длилось ровно столько, сколько пожелал Джеб Ро.

– Ты посетил тазинто, – произнес он, не глядя на Тревельяна. Изящным движением токати подхватил плод, прожевал его и полюбопытствовал: – Должно быть, нелегкое испытание?

– Я хотел склонить их к миролюбию, но нам не удалось достичь консенсуса, – признался Ивар. – Зато теперь мне понятна суть их разногласий с терре.

– Это мы знаем, – резким лязгающим голосом молвил биолог. – Борьба дикарей за пищу и жизненное пространство. В привычных вам терминах – межвидовая конкуренция.

Тревельян оторвался от фарфоровой чаши с плодами и покачал головой.

– Боюсь, коллега, ситуация не так проста. Северный материк обширен, население его ничтожно, и дефицита охотничьих угодий нет. К тому же терре и тазинто занимают разные экологические ниши: первые – собиратели-вегетарианцы, вторые – охотники, преимущественно на крупную дичь. Конкуренция не исключается, но, скорее, среди племен тазинто. Они не любят чужаков. – Он погладил висок, на котором еще красовался шрам от удара камнем, и сообщил: – Причина неприязни тазинто к терре более глубока и носит, как мне кажется, более иррациональный характер, чем споры из-за жаркого и съедобных корешков.

Второй Курс отпил тинтахского и сморщился, будто глотнул кислоты. Лицо Иутина было непроницаемым; правда, есть он прекратил, что считалось знаком уважения к говорящему. Однако ни тот, ни другой не промолвили ни слова – ждали, что скажет Джеб Ро.

– Изложи свою гипотезу, и мы увидим, сколь велика цена утреннего дома,¹⁹ – предложил координатор.

– Сомневаюсь, что дом утренний, – проскрежетал Второй Курс. – Мы провели тщательные исследования, не упустив ничего.

¹⁹ Цена утреннего дома высока – изречение из Книги Начала и Конца, означающее, что дом, где царит утренняя радость, благополучен и счастлив. В контексте сказанного Джебом Ро эта фраза носит иронический оттенок, эквивалентный выражению: посмотрим, чего ты стоишь.

– Кроме концепции смерти, бытующей у тазинто, – возразил Тревельян. – Если использовать земные меры времени, почти такие же, как ваши, старость у них наступает после тридцати, но до предела в сорок лет никто не доживает. Обычная причина гибели – болезнь или рана, полученная на охоте. Ослабевших в силу преклонных лет они бросают, и те становятся добычей хищников. Таким образом, у них нет понятия естественной смерти от старости. Наблюдения за животными также не позволяют осознать бренность существования – наоборот, убеждают в том, что всякий зверь кончит жизнь в зубах другого зверя.

– Знакомая теория. – По лицу Джеба Ро скользнула ироническая усмешка. – Ты обнаружил ее в отчетах Найи Акра? Или побеседовал с Зендом Уна, нашим лингвистом?

Пора отбросить вежливость, решил Тревельян и, сняв с запястья браслет связи, положил его на циновку.

– Здесь запись интервью, которое дал мне вождь тазинто по имени Сломанный Меч. Можете ознакомиться, достойные коллеги. Что же до Найи Акра и Зенда Уна, то наблюдения их поверхностны, а результирующий вывод вообще отсутствует. – Заметив, как гневно дрогнули ноздри Джеба Ро, он поднял токар с соком, отпил глоток и продолжал: – Вот правильный вывод: тазинто уверены, что если бы не видимые и понятные им обстоятельства смерти, они существовали бы вечно или очень долго, сохраняя здоровье и силу. Были бы всегда такими, как всегда, сказал их вождь. Старость и физическое увядание им непонятны и кажутся чем-то вроде недуга, связанного с определенной причиной. Они знают, что у terre более долгая жизнь... это ведь так, Второй Курс?

Биолог неохотно кивнул.

– Так. Восемь-девять десятилетий, причем все, кто не попал под дубину тазинто, доживают до этого срока. Возрастные изменения почти не заметны... плотная шкура, сухая конституция, подвижность... вечернего и утреннего на первый взгляд не различишь.

– Это вполне понятно, – заметил Джеб Ро, бросив мстительный взгляд на Тревельяна. – У пожирателей плоти жизнь всегда короче. Если сравнить вас и нас...

– Не стоит, – сказал Ивар. – Ты мудр, ньюри, и понимаешь, что сравнение ведет к зависти, зависть – к обиде, обида – к вражде. Хватит той крови, что мы пустили друг другу три столетия назад.

– Храни, что имеешь, – раздался тихий голос Иутина, и это изречение из Книги Начала и Конца восстановило мир.

Джеб Ро изволил съесть еще один плод шиншаллы, после чего прочистил горло и вымолвил:

– Согласен, ньюри, что твои выводы неожиданны и любопытны. Но ты говорил о причине, определенной причине, с которой тазинто связывают старость. Она имеет отношение к terre?

– Да. Тазинто уже выделяют себя из животного мира. – Тревельян невольно улыбнулся, вспомнив пылкие речи вождя. – Они люди, а не быки, не хищные кошки, не черепахи, не водяные кабаны, и это видно всем и каждому – ведь эти твари не похожи на людей. А terre, земляные черви, похожи, и это очень плохо! Некто, распределяющий дары, может спутать их с тазинто и отдать червям предназначенное для настоящих людей... собственно, уже отдал, даровав долгую жизнь terre. Но если их уничтожить, этот некто не сделает больше ошибки – ведь останутся только одни люди, и будут они вечными и неизменными. В общем, коллеги, есть конкуренция, есть, только не за земли, стада и плоды, а за божью милость.

Маленький кибер приблизился к Джебу Ро, и тот отполз назад, позволив механизму забрать поднос с остатками еды. Похоже, координатор был заинтересован и даже возбужден – кожа, обтягивающая высокий череп, порозовела, ноздри трепетали, тонкие пальцы теребили край одеяния. Снова усевшись на пятки, выпрямив спину и расправив изящными складками хитон, он произнес:

– Некто, распределяющий дары... Йездан, вразуми меня! Так ты полагаешь, что у них уже сложилась идея божественного? Что их вера не просто первобытная магия, охотничьи обряды и ритуальные пляски у костра?

– Я не могу утверждать этого со всей определенностью, – сказал Тревельян. – Просмотрим запись, сделанную мной, обсудим со специалистами, психологом и лингвистом. Думаю, необходимы дальнейшие исследования. Не только мониторинг с помощью технических средств, но и прямой контакт с терре и тазинто.

– Для нас это затруднительно. Хотя... – Джеб Ро вскинул голову, словно поймав некую мысль. – Теперь ты, очевидно, собираешься к терре. Это мирные создания, и контакт с ними менее опасен, чем с тазинто. К западу от нашего лагеря есть несколько пещер.

– Завтра я их навещу и, может быть, задержусь там на три-четыре дня. Нужно выслушать доводы другой стороны... Если получится, я уведу их дальше на запад.

– Это было бы гуманным актом, – согласился Джеб Ро. – Но если все же тазинто нападут на них, сделай подробную запись. – Он помолчал и добавил: – С тобой пойдет Иутин. Вдвоем безопаснее.

– Но ваши обычаи... – начал Тревельян, обернувшись к третьему генетику.

Координатор махнул рукой.

– Обычаи не для всех. Слуги не соблюдают коно. Близость друг к другу их не тяготит.

– Иутин не слуга.

– Он ньюри, прошедший специальную подготовку, – пояснил Джеб Ро, обернувшись к третьему генетику. – Так, Иутин?

Тот сделал знак согласия. Лицо его оставалось бесстрастным.

– Ну что ж, – сказал Тревельян, – я не возражаю. Как утверждал ваш пророк, мы способны на гораздо большее, чем думаем.

Смерть является для кни'лина столь же неприятным, загадочным и ужасающим событием, как для земных людей. Пожалуй, для них смерть еще более страшна, ибо религия Йездана не содержит идеи посмертного существования, опоры ислама и христианства, и не утешает верующих мыслью о цепочке непрерывных перерождений, как буддизм. И атеисты *ни*, и религиозные *похарас* рассматривают смерть в качестве феномена, завершающего жизненный цикл окончательно и навсегда. Различие между их мировоззрениями состоит в том, что верующие *похарас* стремятся к праведной жизни, считая, что «хорошая карма» позволяет примириться с неизбежным концом, тогда как ни равнодушны к кармическим заслугам.

Похоронные обряды у обоих крупных кланов и примыкающих к ним более мелких практически одинаковы. Кладбищ у кни'лина не существует, как и обычая распылять прах над сушей или водами или отправлять мертвое тело в капсуле в космическое пространство. Покойного кремируют при очень высокой температуре, а прах помещают в погребальный кувшин из небьющегося фарфора (из этого материала изготавливают также посуду). Обычно кувшины хранятся в жилище родичей усопшего под полом, ибо в Книге Начала и Конца сказано: «Мертвые не должны занимать место, предназначенное для живых». Некоторые погребальные кувшины украшены, богато расписаны и являются настоящими произведениями искусства.

По непроверенным данным лоона эо, раса ценителей изящного, скупали их, причем особым спросом пользовались изделия эпохи, когда у Йездана была одна луна.

Та-цзуми, И. Дворкин.

«Кни'лина. История, обычаи, верования».

Глава 5

Побоище

Терре не походили на троглодитов. Реконструкции тех древних обитателей Земли являли облик малосимпатичной человекообезьяны, сутулой, не способной к бегу, поросшей клочковатым бурым волосом. Эти существа передвигались то на двух конечностях, то на четырех, имели плоский череп с мощными надбровными дугами, и их физиономию при всем желании нельзя было считать лицом – слишком уж она напоминала звериную морду. К тому же они были всеядными – поедали все, начиная от жуков, улиток, муравьев, мышей и кончая жесткими корнями, а собственной плотью и кровью кормили массу обитавших в шерсти паразитов.

Терре, безусловные родичи неандертальцев, продвинулись дальше по пути эволюции. Невысокие, сухощавые, покрытые короткой мягкой шерсткой светло-коричневого или более темного цвета, они отличались прямой осанкой и соразмерностью членов: их руки были руками, а не лапами, ноги – ногами с хорошо сформировавшейся ступней, а лица, почти лишенные волос, – все-таки лицами, причем с богатой мимикой. Их сила, ловкость и подвижность изумляли не меньше, чем стойкое пристрастие к чистоте и искусство в обработке камня – их дротики, отбойники, ножи-копалки, чаши и жернова, отполированные до блеска, служили многим поколениям. В благодатном климате предгорий они не испытывали недостатка в пище; плоды, ягоды, орехи и корни вызревали круглый год, и их дополняли съедобная кора, злаки и сахароносные стебли. В силу инстинкта или какой-то особой чувствительности каждым семейством терре потреблялось столько лесных даров, сколько производилось в сезон плодоношения, что позволяло не кочевать, а жить оседлой жизнью. Похоже, они рассматривали территорию, что прилегала к пещере, как неистощимое пастбище, кормившее их предков, их самих и обещавшее кормить будущие поколения. Они оставались частицей этой среды, такой же, как деревья и обитавшие в их кронах зверьки, пернатые и насекомые, как луга и стада травоядных, как скалы, населенные ящерицами, и озера, где жили и плодились черепахи и водяные свиньи. Подобно всем безобидным тварям, они являлись дичью для свирепых маа, когтистых согго, крупных ящеров, водившихся в реках и на равнине, но от них, если не терять бдительности, можно было скрыться или прикончить хищника на расстоянии, метнув дротики. В сущности, у них был один-единственный противник, упорный и безжалостный – тазинто.

Трепельян и Иутин сидели у реки на корнях огромного фролла. Часть древесных корней тянулась в воду, изгибалась там, словно туловища сказочных драконов, образуя некое подобие купальни. Обычно там резвились малыши, и сейчас три головки торчали над водой, и три пары любопытных темных глаз взирали на пришельцев. Голопроектор сделал из Трепельяна крепкого зрелого самца со светло-кофейной шерстью, Иутин же выбрал рост и возраст поменьше, а шкурку потемнее, но с белым ромбом на груди. Их маскировка, включающая внешний вид и источаемые запахи, была совершенной, но терре нравилось касаться друг друга, гладить шерсть, расчесывать ее палочками, что чужаков-наблюдателей никак не устраивало – на ощупь их комбинезоны казались мягкими, но с шерстью ткань не спутаешь, тем более обруч на голове. Поэтому, явившись к семейству, обитавшему в пещере, они дали понять, что близкие контакты нежелательны, даже с самыми симпатичными из местных самок. После этого их оставили в покое, но общества не лишили – никто не отказывался поговорить с гостями и разделить с ними трапезу.

Они провели в пещере четыре дня, и Иутин, против ожиданий, держался неплохо – во всяком случае, не шарахался от приближавшихся членов семейства, старых и малых.

Возможно, в самом деле прошел особую подготовку?.. Но наблюдатель он был неважный – слишком любопытничал, вертел головой, зыркал туда и сюда, а походку и движения terre имитировал весьма неуклюже. По этой причине Тревельян велел ему больше сидеть и меньше бегать.

Из леса по ту сторону реки вышли шестеро аборигенов. Река выглядела неширокой, но полноводной; ее долина тянулась на северо-запад, в горы, где с трехсотметрового обрыва рушился в пене и брызгах водопад. Через реку были переброшены два бревна, опиравшихся на большой валун в середине течения. Этот мост даже имел перила, привязанные к бревнам шести, переплетенные веревкой из лиан. По части веревок, сумок и корзин terre тоже были отменными мастерами. Зато одежд, кроме поясков, не носили и огнем не пользовались.

Шесть добытчиков, трое мужчин и три женщины с тяжелыми заплечными корзинами, грациозно шли по мосту, не касаясь перил. Иутин уставился на них во все глаза.

– Несут орехи, те самые, что потом перетирают в пасту. Это мы уже видели, – произнес Тревельян и поправил обруч, в котором прятался его Советник. – Я наблюдал такие картины еще на станции, в ваших записях.

Иутин повернул к нему лицо молодого terre. Темные, глубоко запавшие глаза, узкие губы, скошенный подбородок, коричневая шерсть, почти скрывающая лоб... Не красавец, но вполне похож на человека.

– Я тоже их наблюдал. Смотрел, не понимая отличий между реальным бытием и голофильмом. А тут... тут все иначе, Ивар, все по-настоящему. Будто я очутился на Йездане в ту пору, когда у него была одна луна. Это очень странное ощущение!

Тревельян усмехнулся. Сейчас его спутник постигал нехитрую истину: *в и д е т ь и б ы т ь* – разные вещи. Они отличались запахом воды, ароматом зелени, ветром, овевавшим лицо, и тем, что, повернув голову, можно было полюбоваться небесами, солнцем, клонившимся к закату, речной долиной и мордашками маленьких terre, плескавшихся в заводи.

– Должно быть, мои рассуждения кажутся тебе наивными, – произнес Иутин. – Но вспомни, что я генетик, и жизнь моя проходит среди приборов и контейнеров с пробами, а ты побывал на десятках планет. Подобные зрелища тебя не удивляют.

– Ты не прав. Конечно, я встречался с несколькими гуманоидными расами и архаическими культурами, не достигшими порога Киннисона, но никогда не наблюдал, как формируется новое человечество. Даже два – terre и тазинто.

– Что такое «порог Киннисона»?

– Это термин нашей исторической науки. Уровень культурного развития, по достижении которого запрещено влиять на инопланетный социум. Передача информации, особенно научной, может привести к войне или другим катаклизмам.

– Йездан сказал: самые губительные дары – те, о которых даритель не подозревает.

– Неплохое определение порога Киннисона, – согласился Тревельян. – Поэтому будем благоразумны.

Шестеро туземцев с корзинами перешли мостик и направились мимо них к пещере. Каждый, минуя гостей, выпускал мелодичный свист и делал жесты вечернего приветствия.

– Но их мы можем одарить без риска? – произнес Иутин, глядя вслед добытчикам.

– Безусловно. Вопрос в конкретных способах и в том, чтобы не обидеть ни terre, ни тазинто.

– В части способов между *ни* и *похарас* есть разногласия, – сказал после паузы третий генетик.

– Мне тоже так показалось, – отозвался Ивар, наострив уши. Эти разногласия очень его занимали, но Иутин не пожелал продолжить тему, а повел разговор об экспедициях Тревельяна и чудесах иных миров. О Пекле, где раскаленные пустыни переходили в вулканические горы, о саргассовых морях Хаймора, о джунглях Селлы, где хищные растения пили

кровь животных и людей, о продуваемых ветрами безбрежных равнинах Пта. Затем он принялся расспрашивать о хапторах: правда ли, что эти существа так агрессивны и ужасны, как то описывается в справочниках? Тревельян постарался его не разочаровать. Хапторы относились к гуманоидам, но самого склочного нрава и мерзкой внешности: голова, покрытая ороговевшей кожей, шишки по обе стороны лба, подобные рогам, глаза с вертикальными зрачками, заостренные уши и мощные челюсти. Большой симпатией в Галактике они не пользовались.

Из пещеры навстречу пришедшим высыпали все ее обитатели от мала до велика: десяток взрослых самцов, полторы дюжины самок, дети, подростки и трое старейшин, которым было, наверное, под восемьдесят. Отвечая на вопросы Иутина и глядя, как со спин добытчиков снимают корзины, как ласково касаются их плеч, как с визгом суетится малышня, перетаскивая большие, в два кулака, орехи, Тревельян размышлял о том, как непохожи эти создания на тазинто. Пожалуй, тазинто были в большей степени людьми, разделяя издревле свойственные человеческому роду пороки – жадность и воинственность, склонность пакостить в собственном доме, ненависть к чужим и уверенность, что сила решает все проблемы. Терре казались другими. Когда-нибудь в далеком будущем эта раса станет такой же мудрой и благожелательной, как парапримы, соплеменники Аххи-Сека, Великого Наставника с Осирера, Хранителя планеты... Возможно станет, если тазинто не разделяются с ней в ближайшее тысячелетие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.